

с 595 Сем
П-150

Арх. 104386/1898

Семипалатинскій Областной Статистическій Комитетъ.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

на 1898 г.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.

Типографія Семипалат. Обл. Правленія.

1898.

ср. 94319

Изъ записной книжки.

Во время службы моей, съ 1871 года, въ предѣлахъ нынѣшняго Степного края, мнѣ часто приходилось сталкиваться съ преобладающимъ населеніемъ этого края—киргизами, а иногда случалось по нѣскольку мѣсяцевъ проживать въ ихъ кочевьяхъ и я пользовался этимъ для наблюденій характера, обычаевъ и жизненной обстановки киргизскаго народа.

По просьбѣ Г.г. составителей настоящаго сборника я рѣшился взять изъ моей записной книжки и помѣстить сюда два небольшихъ очерка изъ киргизской жизни, характеризующіе отчасти нравы нашихъ степняковъ и, кромѣ того, привожу изъ числа собранныхъ мною нѣсколькихъ сотъ киргизскихъ пословицъ и «летучихъ словъ», нѣкоторыя наиболѣе яркія поговорки, знакомящія съ жизненною философіею этого народа.

Насколько интересны мои замѣтки и толкованія пословицъ—пусть судятъ читатели.

а) Киргизское удалство: угонъ скота.

Лошадей у киргизовъ пасутъ обыкновенно взрослые пастухи; у бѣдняковъ же, гдѣ лошади цѣлаго аула или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ юртовладельцевъ ходятъ вмѣстѣ, пастьба ихъ поручается юношамъ обыкновенно не моложе 15—16 лѣтъ.

У достаточныхъ киргизовъ и у богатыхъ пастухами бываютъ

или ихъ бѣдные родственники, получающіе отъ нихъ пропитаніе для себя и своихъ семействъ, или наемные взрослые родовичи — бѣдняки съизмала привыкающіе къ пастушеству, какъ къ ремеслу.

Въ большихъ табунахъ богачей — всегда нѣсколько пастуховъ*), изъ которыхъ одинъ — старшій, болѣе опытный и ловкій, присматриваетъ за другими и получаетъ большее вознагражденіе.

Наемнымъ пастухамъ, состоящимъ всегда на хозяйской пищѣ, хозяинъ даетъ одежду, по уговору, и плату: — въ средней и южной части степи — тѣмъ видомъ скота, какой они пасли, а въ сѣверной части, близкой къ русскимъ селеніямъ, въ уговоръ о платѣ пастуху входятъ и деньги.

Овцы и, по большей части, рогатый скотъ и верблюды проводятъ день на пастбищѣ, а на ночь пригоняются къ юртѣ хозяина (зимомъ — въ особый загонъ). Лошади остаются въ полѣ и на ночь. Для этого табунъ сгоняется въ кружокъ, а пастухи, по очереди, ѣздятъ верхомъ вокругъ отдыхающаго табуна, ввѣреннаго ихъ присмотру.

Въ случаѣ опасности: нападенія волковъ, или замѣченнаго подкрадывающагося къ табуну вора, пастухи дружно защищаютъ свой табунъ.

Для обороны, у каждаго пастуха, на стибѣ лѣвой руки, виситъ длинная палка (*сѣиль-агачъ, сѣиль*), которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ и укрыткомъ для ловли лошадей изъ табуна.

Если же воръ будетъ обнаруженъ уже послѣ того, какъ онъ укралъ лошадь, или, въ случаѣ нападенія на табунъ шайки во-

*) Обыкновенно тамъ, гдѣ не особенно спокойно отъ конокрадовъ, богатые держатъ пастуховъ по расчету ста лошадей на пастуха, т. е. въ табунахъ въ 1000 лошадей должно быть 10 пастуховъ, изъ которыхъ 8 составляютъ — двѣ смѣны, а двое подпасковъ — заботятся о продовольствіи остадныхъ, собираютъ и приносятъ къ стойнкѣ топливо и т. п. Въ мѣстностяхъ совершенно покойныхъ пастуховъ бываетъ менѣе, — 5—6 на 1000 головъ лошадей.

ровъ, для угона лошадей*); то есть для того что киргизы называютъ „*барымта*“ (а не «баранта», какъ этотъ родъ грабежа называютъ русскіе), то одинъ или двое пастуховъ скачутъ за конокрадами (по киргизки—*уру*, *барымтачѣ*) и раздражающимъ—далеко въ ночной тишинѣ слышнымъ крикомъ „*ат-танъ*“!**) извѣщаютъ о нападеніи воровъ сосѣдніе аулы, мимо которыхъ имъ случится скакать.

Крикъ „*ат-танъ*“ дѣйствуетъ на киргизовъ магически. Всякій киргизъ считаетъ для себя обязательнымъ немедленно схватить оружіе, какое попадется подъ руку, сѣсть на коня, всегда находящагося около юрты, и скакать по направленію крика, въ погоню за воровъ.

На этотъ крикъ отзываются и скачутъ съ равною охотою и энергіею и старый и молодой и богатый и бѣдный: здѣсь вѣдь только и можетъ высказаться молодечество, сила и ловкость *джигита*, быстрота, смѣлость и неутомимость его коня.

Плохо бываетъ вору, если онъ попадется въ руки погони.

Если погоня не опоздала и вовремя начала преслѣдованіе воровъ, то обыкновенно воры бросаютъ украденныхъ ими лошадей и ищутъ спасенія въ возможно поспѣшномъ бѣгствѣ.... Но это не останавливаетъ преслѣдованія хищниковъ.

По киргизскимъ обычаямъ, лошадь съ сѣдельнымъ приборомъ, взятая изъ подъ вора, принадлежитъ тому, кто его ссадилъ съ коня; а подъ ворами всегда бываютъ хорошіе кони. Да, кромѣ того: догнать и ссадить вора съ коня у киргизовъ считается боль-

*) Рогатый скотъ, верблюдовъ и овецъ крадутъ рѣже, потому что посланной въ слѣдъ за ворами погонѣ ихъ легче догнать съ этимъ скотомъ, не отличающимся быстротою бѣга и нестомчивостью.

**) Собственно—„*атка-мынъ*“, что значитъ сались на коня, или „*атанъ*“—оконяйся. Это послѣднее повелительное наклоненіе глагола *атану*—не употребляется киргизами; во избѣжаніе недоразумѣній: *атанъ* значить тоже—верблюдъ-самецъ.

шимъ молодечествомъ; молодецъ же, нѣсколько разъ ссавившій вора съ коня, получаетъ почетное у киргизовъ названіе „*батыръ*“, что значить богатырь и если это человѣкъ, пользующійся уваженіемъ народа, то, обращаясь къ нему, или въ разговорѣ о немъ, его иначе не называютъ, какъ „*батыръ*“.

Вслѣдствіе этого, послѣ крика „*ат-танъ*“! услышаннаго въ большомъ аулѣ, какъ бы ни была темна ночь и какая бы ни была погода, за воромъ несется самымъ бѣшенымъ карьеромъ цѣлая толпа преслѣдователей, вооруженныхъ ружьями, *айбалтами* (*айбалта*—боевой топоръ киргизовъ), а по большей части—*сдилами*. Одинъ или двое пастуховъ, изъ табуна коихъ украдены кони, скачутъ вслѣдъ за воромъ, для указанія пути погонѣ, и все время не переставая кричать во все горло: „*ат-танъ*“, „*ат-танъ*“, „*ат-танъ*“!!!

Не мало ударовъ дубинками (*сдила*) всегда попадетъ вору въ случаѣ, если его догонять. Онъ долженъ считать себя счастливымъ, если успеетъ соскочить съ лошади, бросить ее и скрыться отъ преслѣдователей, пользуясь темнотою ночи, или если отдѣлается небольшими ушибами отъ *сдильныхъ* ударовъ.

Часто на долю настигнутаго преслѣдователями вора достаются очень сильные удары, послѣдствіемъ коихъ бываютъ переломы рукъ, выбитые зубы и даже глаза; а иногда—и проломъ черепа, если съ размаха сильный ударъ утолщеннымъ концемъ палки придется по головѣ вора, который уже не въ силахъ защищаться отъ массы преслѣдователей и въ особенности если шапка или толстый платокъ уже не защищаетъ головы его. По большей же части вору, отправляясь на свой ночной промыселъ и не надѣваютъ шапокъ и тюбетеекъ, изъ опасенія потерять ихъ и быть узнанными потомъ по шапкѣ, а туго перевязываютъ голову бумажнымъ платкомъ темнаго цвѣта, невидимаго ночью.

Попадаютъ на долю барымтачей и воровъ и смертельные удары, хо-

тя относительно рѣдко; а еще рѣже представляется возможность найти виновнаго въ такомъ убійствѣ и тѣмъ болѣе—уличить его: вѣдь все участники преслѣдованія—родовичи или даже родственники убійцы; а ихъ бываетъ много и они охотно дадутъ русскому слѣдствію присяжныя показанія, въ оправданіе своего родовича, а тѣмъ болѣе—родственника. По киргизскимъ обычаямъ—такое жесвидѣтельство считается даже обязательнымъ.

О поступкѣ киргиза, влекущемъ за собою наказаніе, или взысканіе, киргизскіе народные судьи (біи) не спрашиваютъ родственниковъ обвиняемаго, въ особенности близкихъ, по обычаю обвиняемыхъ лгать въ его пользу и для его оправданія.

Киргизъ воръ, на промыслѣ и отирающийся на *барымту* (грабежъ, угонъ скота) и одѣтъ иначе; чѣмъ все другіе и снаряженъ особенно.

Халатъ его, обыкновенно сѣраго цвѣта, непременно зачехленъ, т. е. *чехбары* (широкіе, преимущественно замшевые, шаровары) надѣты и завязаны у него на очкурѣ, поверхъ халата. Голова вора, по большей части, обвязана платкомъ сѣраго или темнаго цвѣта, невидимаго даже и при слабомъ лунномъ свѣтѣ; а въ безлунную ночь—совершенно непримѣтнаго. Конь—по большей части—сѣрый или свѣтлой масти, малозамѣтной въ темнотѣ. На иѣгихъ лошадяхъ воры никогда не ѣздятъ. Онѣ слышномъ примѣтны. Сѣдловка—самая легкая и вся сбруя—совершенно исправная и прочная, но безъ бляхъ и блестящихъ украшеній. Если къ цѣли *барымты* приходится ѣхать по твердому, или каменистому грунту, то копыта лошади своей воръ обвязываетъ тонкой кошмой—чтобы не было слышно его приближенія.

У киргиза—вора всегда одинъ или два лишнихъ чумбура (*чумбыр*), кромѣ прикрѣпленнаго къ уздечкѣ. Чумбуры эти привязываются или къ тому же лѣвому кольцу удила, какъ и при-

надлежащій уздечкѣ чумбуръ, или завязываются вокругъ шеи лошади, на которой ѣдетъ воръ. Это отличительная особенность вора,—доказательство его ремесла. Другая принадлежность ремесла вора—*соиля*—длинная, аршина въ 3—4 длиною, палка, съ прикрѣпленною къ тонкому ея концу небольшою петлею, которая надѣвается на лѣвую руку (на локтевой изгибѣ), когда воръ на конѣ и всегда волочится по землѣ съ лѣвой стороны слѣдовъ лошади вора. Чумбуръ, привязанный однимъ концемъ къ петлѣ *соиля*, а другимъ—аршина на полтора отъ нея—къ *соилу*, образуетъ прекрасный укрюкъ (по киргизски—*крукъ*), для ловли лошадей изъ табуна; а затѣмъ, послѣ поимки лошади, воръ или скачетъ съ нею, держа ее за шею на укрюкѣ (это—когда воровство по выбору—извѣстнаго скакуна или особенно хорошей и дорогой для киргиза лошади), или обвязываетъ чумбуръ вокругъ шеи пойманной лошади, сзади ушей и завязываетъ такъ называемымъ калмыцкимъ узломъ. Затѣмъ узелъ этотъ подводится къ нижней челюсти, концомъ чумбура обхватывается морда лошади и, по прикрѣпленіи этого обхвата къ узлу петли—недоуздокъ (по киргизски—*нокта*) готовъ.

Если воръ располагаетъ свободнымъ временемъ и имѣетъ другой чумбуръ, то онъ этимъ же способомъ зачумбуриваетъ и другую лошадь; а, чтобы не держать въ рукѣ нѣсколько чумбуровъ и свободнѣе управлять лошадьми, поводъ второй лошади привязываетъ къ шеѣ первой. Такъ киргизъ свободно и удобно можетъ вести нѣсколько лошадей, погонять ихъ и управлять ими на полномъ карьерѣ. На такое зачумбуриваніе надо употребить нѣсколько лишнихъ минутъ времени, очень дорогихъ для вора, прилагающаго всѣ старанія, чтобы скрыться отъ погони. Если же воръ, или цѣлая шайка воровъ захватила нѣсколько лошадей (иногда нѣсколько десятковъ), то ихъ гонять просто гономъ; при чемъ, смотря по составу шайки, одинъ или нѣсколько скачутъ за та-

буномъ, а нѣсколько—по бокамъ, для того, чтобы руководить направлениемъ побѣга.

Вся эта куча лошадей и всадниковъ несется, разумѣется, во весь карьеръ, безъ малѣйшей передышки, пока не достигнетъ безопаснаго мѣста:

Если, во время такой скачки, болѣе слабыя лошади станутъ приставать (утомляться), то ихъ подгоняютъ нагайками и тонкими концами соиловъ; выбивающихся же вовсе изъ силъ и теряющихъ способность достаточно быстро скакать въ кучѣ, воры бросаютъ на пути своего бѣгства. Эти то оставленные на пути лошади и служатъ погонѣ лучшимъ доказательствомъ правильности принятаго ею направленія, для преслѣдованія воровъ.

Если шайка воровъ во время и издали услышитъ или увидитъ*) погоню, то тотчасъ же отдѣляетъ самыхъ слабыхъ изъ украденныхъ лошадей, а съ лучшими несется далѣе, во всю прыть ногъ своихъ лихихъ скакуновъ. Если же воры замѣтятъ, что верховыя лошади ихъ начинаютъ уставать, то они тотчасъ же, на скаку, перекадываютъ сѣдла на лучшихъ изъ украденныхъ лошадей и пересаживаются на нихъ.

Оставлениемъ слабѣйшихъ лошадей, въ виду погони, шайка достигаетъ двухъ цѣлей: облегчаетъ себѣ удаление и замедляетъ силу и быстроту погони, такъ какъ погоня непременно остановится и подберетъ оставленныхъ ворами лошадей, или, по осмотру

*) Видятъ киргизы очень далеко въ ровной—безпредѣльной степи. Если не видно скачущихъ людей, то погонѣ совершенно достаточно очень отдаленнаго облачка поднятой проскакавшими пыли, издали вовсе недоступнаго невооруженному глазу европейца. Слышать киргизы тоже очень далеко, приложивъ ухо къ землѣ. Топотъ скачущаго слышенъ такъ, говорятъ, за нѣсколько верстъ въ этомъ киргизскомъ телефонѣ и киргизъ безошибочно опредѣляетъ: одинъ скачетъ или нѣсколько, а также—приближаются ли, или скачутъ мимо. Въ степи, гдѣ вѣтъ дорогъ, киргизы находятъ слѣды, по направленію наклона травы и безошибочно гонятъ по такому слѣду на полномъ карьерѣ. Въ ровной степи, гдѣ трава вся одинакова, полоса, оставленная проскакавшими всадникомъ очень рельефно указываетъ направленіе его пути.

ихъ, оставить одного или двоихъ (а иногда и нѣсколькихъ) преслѣдователей, для окарауливанія брошенныхъ ворами лошадей.

Если воровъ и преслѣдующихъ ихъ много и силы ихъ приблизительно одинаковы, или вору получать подкрѣпленіе и ихъ окажется болѣе, чѣмъ преслѣдователей и шайка уже достаточно удалилась отъ стойбищъ, въ коихъ произведенъ угонъ лошадей, такъ что преслѣдователи скорой помощи получить не могутъ, барымтачи, для скрытія дальнѣйшаго направленія своего пути, останавливаются и стараются силою прогнать погоню назадъ. При этомъ обыкновенно въ дѣло употребляются, съ обѣихъ сторонъ, только нагайки и сойлы. Если ружья и есть у обѣихъ непріязненныхъ сторонъ, то они не употребляются для пораженія противника, а только для острастки. Съ обѣихъ сторонъ бываютъ выстрѣлы, но направленные непременно вверхъ, надъ головами противниковъ, изъ боязни случайнаго убійства, послѣдствія котораго всегда очень убыточны для виновнаго и его родовичей.

Барымтачи, по большей части, дѣйствуютъ по своей инициативѣ, съ цѣлью самовознагражденія по неудовлетвореннымъ (непремѣнно справедливымъ) искамъ, вслѣдствіе вражды, или въ отмщеніе за произведенную у нихъ *барымту* и т. п., а вору по ремеслу (*уру*, *каракчи*) почти всегда дѣйствуютъ и трудятся подъ покровительствомъ и руководствомъ богатыхъ и вліятельныхъ киргизовъ, содержащихъ иногда цѣлыя шайки воровъ, для своего обогащенія.

Краденый скоть они впускаютъ, на нѣкоторое время, въ свои табуны, осматривать которые табуничики, безъ своего хозяина, не допустятъ; а при первомъ удобномъ случаѣ краденый скоть въ одной области напримѣръ—Семипалатинской и Семирѣченской сдаютъ въ табуны покровителей конокрадовъ Тургайской и Сырь-Дарьинской области, а скоть, украденый въ этихъ областяхъ и въ Акмолинской—сдаютъ въ Семипалатинскую или Семирѣченскую

области, такъ что, при постоянномъ круговомъ обмѣнѣ краденаго скота, какъ только онъ попалъ въ табуны богатаго содержателя воровской шайки, слѣдуетъ считать невозвратимымъ для хозяина, у коего онъ украденъ и воръ скорѣе заплатитъ стоимость украденнаго коня со штрафомъ и понесетъ наказаніе, чѣмъ возвратитъ украденнаго коня или укажетъ на своего покровителя, при помощи котораго содержится его семья.

Такіе богатые покровители конокрадовъ, которые защищаютъ даже воровъ своимъ вліяніемъ и передъ народнымъ киргизскимъ судомъ (единственно—дѣйствительнымъ для киргизовъ—конокрадовъ), находятся въ каждомъ уѣздѣ, хорошо знаютъ другъ друга и обоюдно помогаютъ, въ случаѣ нужды, скрыть слѣды воровства, или избѣжать наказанія.

Только энергическое преслѣдованіе и уменьшеніе числа воровскихъ притоновъ можетъ быть ручательствомъ дѣйствительнаго уменьшенія конокрадства въ степи между киргизами.

Воры по ремеслу, работающіе на богатыхъ содержателей шайки, живутъ со своими семействами близъ аула своего покровителя и, не имѣя вовсе своего скота, всецѣло зависятъ отъ милости патрона и удачи своего ремесла.

Отправляясь на кражи, они ѣздятъ на лучшихъ, особенно для этого выдержанныхъ и тренированныхъ лошадяхъ, стоимость коихъ во время поѣздокъ, находится на отвѣтственности воровъ.

Эти несчастные удалыцы такъ привыкли къ своему ремеслу, что съ прекращеніемъ возможности его, оказываются въ безвыходномъ положеніи. Семьи ихъ привыкли къ постоянной мясной пицѣ (много краденаго скота рѣжется для мяса) и хлѣбопашествомъ вовсе не занимаются.

Съ прекращеніемъ конокрадства въ одной мѣстности, для воровъ по ремеслу прекращается существованіе и они вынуждены тотчасъ же откочевать въ другую мѣстность, гдѣ

конокрадство менѣе преслѣдуется. Къ труду земледѣльца или ремесленника конокрады по ремеслу и ихъ семьи не привыкли и считаютъ такой трудъ для себя унижительнымъ. Да и привычка къ праздности и къ приключеніямъ, связаннымъ съ ихъ ремесломъ, мало способствуетъ развитію въ нихъ убѣжденія въ пользѣ усиленнаго труда земледѣльца.

6) Палы.

При возвращеніи съ лѣтovoкъ, осенью, киргизы заботятся о заготовленіи себѣ *уртений* *), т. е. пускаютъ палы на ветошь, въ полномъ убѣжденіи, что весною прежде всего трава вырастетъ на выжженномъ такими палами мѣстѣ и что изнуренный зимнею *тебневкою* **) скотъ очень быстро поправляется только на опаленныхъ мѣстахъ — *уртенияхъ*.

Палы пускаютъ и весною, какъ только сойдетъ снѣгъ и прошлогодняя ветошь подохнетъ; но киргизы не пускаютъ уже паловъ, какъ только появятся наѣкомыя, считая грѣхомъ палы, пущенные послѣ появленія наѣкомыхъ, весною.

Въ высокой степени безпечные киргизы, пуская палы, вовсе не думаютъ о тѣхъ ужасныхъ несчастіяхъ, причиною коихъ могутъ быть и часто бываютъ палы.

Если огонь паловъ захватитъ на своемъ пути расположившіяся въ юртахъ ауль, то, по меньшей мѣрѣ, надѣлаетъ большой переполахъ; а то, въ особенности ночью, — можетъ быть и причиною пожара, потому что киргизы, какъ-бы они чутко не спали, не всегда успѣютъ собрать и увезти юрты и разложенное въ нихъ свое имущество за предѣлы стенного пожарника — паловъ.

*) *Урти* — палы, т. е. сжиганіе старой высохшей травы. *Уртенъ* — мѣсто, на которомъ сухая трава (ветошь) выжжена.

**) Зимняя пастьба по снѣгу, при чемъ скотъ, ударами копытъ, разгребаетъ снѣгъ и обнажаетъ покрытую имъ засохшую на корню траву, для пищи.

Когда приближеніе паловъ замѣчено издали и вѣтеръ не особенно силенъ, то аулъ усиѣтъ еще разобрать юрты, затюковать ихъ и все находящееся въ юртахъ имущество, навьючить все это на верблюдовъ или на арбы (въ сѣверной части степи) и быстро удалиться съ пути паловъ, гонимыхъ вѣтромъ. Если же палы приблизятся къ аулу ночью, такъ что въ аулѣ узнаютъ о близости опасности только по особому шуму, доносившему вѣтромъ, а тѣмъ болѣе — по запаху горѣлой травы: что указываетъ уже на близость опасности, то застигнутые палами спѣшатъ спастись сами, угнать скотъ и вытащить изъ юртъ платье и все болѣе цѣнное для киргизскаго хозяйства, если еще съ перенуга не потеряли голову.

Кошма (войлокъ), прикрывающая остовъ юрты, сильно высохшая во время лѣта, очень легко и быстро загорается и если уже огонь дошелъ до юрты и юрта загорѣлась, люди, находящіеся въ ней, должны поторопиться выскочить изъ горящей юрты, оставивъ ее на произволъ судьбы, вмѣстѣ съ находящимся въ ней имуществомъ, заключающемъ въ себѣ всю обстановку несложнаго хозяйства и жизни кочевниковъ.

Конечно—ни чему другому, какъ обычаю пускать палы, слѣдуетъ приписать быстрое уничтоженіе лѣсной и кустарниковой растительности въ мѣстахъ, занятыхъ киргизскимъ населеніемъ. Кустарники уничтожаются этими палами совершенно, такъ что на другой годъ, послѣ паловъ, мѣстность представляется какъ-бы выбритою и только валяющіеся кое гдѣ угольки подъ травой свидѣтельствуютъ объ уничтоженной огнемъ древесной растительности; да мѣстами, въ подтвержденіе такого свидѣтельства, торчатъ обгорѣлые пеньки бывшихъ кустарниковъ.

Предусмотрительные киргизы (а такихъ очень не много), въ срединѣ лѣта, приѣзжаютъ къ своимъ зимовкамъ и обжигаютъ кругомъ ихъ траву, на нѣсколько сажень ширины вокругъ зимо-

вокъ для того, чтобы сохранить отъ опасности пожара отъ паловъ свои зимовки и запасы сѣна.

Если палы идутъ безъ сильнаго вѣтра, то такая предосторожность дѣйствительно спасаетъ отъ пожара; но когда палы гонитъ сильный вѣтеръ, то загорѣвшаяся сухая трава отрывается отъ корня и перелетаетъ по вѣтру далеко и какъ только одинъ горящій стебелекъ, а тѣмъ болѣе вѣтка горящаго кустарника упадетъ въ сѣно или на покрытую сѣномъ или соломой крышу зимовки, — необитаемая во время лѣта и не охраняемая никѣмъ зимовка сдѣлается добычею пламени и сгоритъ до тла. При производствѣ паловъ въ безвѣтренную погоду, или при маломъ вѣтрѣ, киргизы иногда руководятъ палами и, отчасти, направляютъ ихъ, причемъ, гдѣ надо уменьшить огонь, волочатъ на чумбурѣ, по горящей травѣ, потникъ, кошму или шкуру крупнаго скота и этимъ тушатъ горящую сухую траву и уменьшаютъ линію огня. При усилившемся вѣтрѣ, руководство палами немѣлимо, такъ какъ вѣтеръ разноситъ горящую траву далеко впередъ и огонь несется по степи съ ужасною быстротою, уничтожая на своемъ пути все способное горѣть.

Всѣ предписываемыя административныя мѣры, для уничтоженія обычая пускать палы не ведутъ ни къ чему.

Киргизу, по его твердому убѣжденію, необходимы палы для того, чтобы получить хорошій кормъ весною, при передвиженіи его со стадами на лѣтнія кочевки и онъ, увѣренный въ полной безнаказанности своего поступка, въ никѣмъ неохраваемой степи, не посмотритъ ни на какія запрещенія и, проходя мимо намѣченнаго напередъ мѣста, зажжетъ, близъ своего пути, въ двухъ—трехъ мѣстахъ, траву и уйдетъ съ мѣста пущенныхъ имъ паловъ, предоставляя дальнѣйшее на волю вѣтра.

Сухая трава скоро загорается и линія огня, съ каждымъ шагомъ, все расширяясь, захватываетъ иногда пространство въ нѣ-

сколько сотъ сажень шириною и несетя неустойчивымъ потокомъ по вѣтру.

Стога сѣна, хлѣбныя поля, кустарники и даже молодой лѣсъ, находящіеся на пути пламени, уничтожаются такимъ огненнымъ потокомъ. Большія деревья не менѣе страдаютъ отъ паловъ. У нихъ сначала обгораютъ кора, вѣтви и верхушка, такъ что деревья останавливаются въ ростѣ, заболѣваютъ и сохнутъ; а въ слѣдующемъ году, если не будутъ срублены, служатъ при новыхъ дошедшихъ до нихъ палахъ, увеличеніемъ силы и вреда своимъ горѣніемъ.

Разыскиваніе виновнаго, пустившаго палы, является бесполезнымъ, потому что киргизъ киргиза не выдастъ, а кто же другой могъ бы увидѣть и уличить пустившаго палы? Русскія власти, безъ крайней необходимости (разслѣдованіе какого нибудь происшествія, чрезвычайный сѣздъ народныхъ судей, или выборы на должности по туземному управленію), обыкновенно по степи не ѣздятъ: слѣдовательно опаливаніе пастбищъ можетъ быть прекращено только тогда, когда сами киргизы убѣдятся, что палы приносятъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы: по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они до сего времени производятся.

Киргизъ признаетъ только одну вредную и даже опасную для его хозяйства сторону производства паловъ и то исключительно осеннихъ: если мѣстности, выжженныя осенними палами, будутъ покрыты глубокимъ снѣгомъ, который потомъ затвердѣетъ и изнуренный тяжелою добычею корма зимою киргизскій скотъ начнетъ падать отъ истощенія, т. е. степь посѣтитъ величайшее несчастіе для киргиза скотовода—*джутъ* (падежъ скота отъ безкормицы). Весь скотъ, находящійся на опаленныхъ мѣстностяхъ, будетъ быстрѣе истощаться, такъ какъ, утомленный разрываніемъ снѣга, не будетъ находить подъ снѣгомъ ветоши, которою скотъ питается во время зимы. Это заставляетъ киргизовъ, предвидя возмож-

ность *джута*, старательно избѣгать пастьбу скота зимою на мѣстностяхъ, опаленныхъ осенью.

в) Киргизскія пословицы.

1) *Джаяу-дэнъ чангы чикнасъ.*

Джалгыздынъ унэ чикнасъ.

Переводъ: Отъ пѣшаго пыль не подымется.

Отъ одинокаго звукъ не услышится (не раздастся).

Какъ опредѣлительно высказывается этою пословицею значеніе родового начала, на которомъ все зиждется у киргизъ.

Человѣкъ безъ рода — сирота въ степи: никто его не поддержитъ, никто его не защититъ и не поможетъ ни въ какихъ затрудненіяхъ или несчастіяхъ: всѣмъ онъ чужой. Голосъ его не имѣетъ никакого значенія въ народѣ и въ толпѣ. Даже и самая жизнь одинокаго киргиза и его имущество не всегда въ безопасности: *кунъ* (плата за кровь, по народному суду) за убитаго взыскиваютъ его родственники; а за одинокаго, безроднаго, никто не предъявитъ такого иска, такъ что убійство одинокаго киргиза очень недавно могло быть совершено въ степи вполнѣ безнаказанно. Вотъ почему всѣ одинокіе и безродные искали прежде всегда покровительства хановъ и султановъ, охотно входили въ составъ ихъ *тюленгутовъ* (приближенныхъ прислужниковъ и тѣлохранителей), для того, чтобы встать подъ защиту сильнаго человѣка и вступить въ среду такихъ же, но большей части, безродныхъ сиротъ, собравшихся съ Сѣвера, съ Юга, съ Востока и съ Запада.

2) *Узь ультр-мэсъ,*

Джамъ джаргламэсъ.

Пер. Свой — не убьетъ,

Чужой — не защититъ.

Эта пословица служить какъ бы дополненіемъ къ предъидущей и объясняетъ ее. Слово „узъ“, для правильного истолкованія смысла этой пословицы, должно быть переведено словами: *родственникъ*, *родовичъ*, который, по киргизскому обычаю, долженъ заступаться и защищать своихъ родовичей въ спорахъ, дракахъ и тяжбахъ съ посторонними; при чемъ даже всякая неправда, сдѣланная въ пользу или въ защиту родовича, не только извинительна, но и обязательна.

Что же касается *чужого* человѣка—„*джатъ*“, то отъ него киргизъ никогда не ожидаетъ себѣ добра и самъ не сдѣлаетъ добра чужому, въ особенности, если это добро можетъ принести какой либо ущербъ или вредъ родственнику или родовичу.

3) *Агайнъ—туганъ кымда джокъ?* *Сыйлаепаса—джатъ джуукъ.*

Пер. Родственниковъ—у кого нѣтъ?

(Если же ихъ) не уважать—посторонній близокъ.

То есть не достаточно имѣть родственниковъ (*агайнъ-туганъ*), а необходимо еще ихъ уважать и не только выказывать имъ знаки почтенія, а защищать и помогать въ случаѣ нужды и всячески поддерживать. Этимъ и объясняется неразрывность связи между родовичами. По киргизскому обычаю, родственники и родовичи являются отвѣтственными не только за долги, но и за преступленія родовича своего. Въ случаѣ же отсутствія такой связи съ родственниками,—къ нимъ можетъ болѣе приблизиться посторонній, соединенный съ ними узами дружбы: *тамыръ*, *досъ* или *джан-досъ*. Послѣдній видъ дружбы, очень рѣдкій въ настоящее время, почитается паравиѣ съ узами самого близкаго родства.

4) *Малдосы кунз,*
Джандосы азз булады.

Пер. Мѣновой дружбы много,
Душевной дружбы мало бываетъ.

Эта пословица трудно переводима на русскій языкъ и приведенный подстрочный переводъ не передаетъ ея смысла, — соли, потому что понятія о дружбѣ въ киргизскомъ народѣ не похожи на понятія о дружбѣ европейца.

У киргизовъ, по ихъ обычаямъ, существуютъ два вида дружбы: *малдосъ*, обыкновенно носящій названіе *тамыръ*,*) есть представитель дружбы, заключенной на условіи обмена подарками. Получившій подарокъ по своему выбору, т. е. сдѣлавшійся *тамыромъ*, долженъ быть готовымъ къ тому, что *тамыръ* пріѣдетъ къ нему и потребуетъ себѣ въ подарокъ вещь, или скотину (обыкновенно — лошадь, борзую собаку, беркута или ястреба), какая ему понравится. Избранный тамыромъ предметъ себѣ для подарка называется *калау* — желаніе. Цѣнность *калау* конечно всегда бываетъ не ниже той, какая соотвѣтствуетъ первому подарку.

Такой родъ дружбы прочнѣе между порядочными, неособенно жадными людьми; у людей же скупыхъ и жадныхъ этого рода дружба очень не прочна и обыкновенно кончается ссорой и тяжбою, предъявляемою киргизскому народному суду, о взысканіи убытковъ съ *тамыра*, предложившаго недостаточно цѣнный подарокъ, или не отдарившаго своевременно, или же, еще хуже, — отказавшаго въ удовлетвореніи *калау*. Отвѣтомъ на такой отказъ бываетъ, кромѣ иска, непримиримая вражда; а въ былое время, такого рода оскорбленіе могло имѣть послѣдствіемъ — *барымту* (угонъ скота, грабежъ).

Малдосъ (тамыръ) чаще встрѣчается между состоятельными и

*) *Тамыръ* — корень (растенія), жила (кровеносный сосудъ — животнаго), пріятель другъ.

богатыми киргизами. Бѣдняки, которымъ нечего дарить, рѣдко тамырятся.

Джандослыкъ — душевная дружба, есть дѣйствительно крѣпкая дружба, очень и очень рѣдко встрѣчающаяся и въ киргизскомъ народѣ. *Джандосъ* считается ближе роднаго брата. Горе и радости джандосовъ — непременно общія между ними. (Это тоже, что древнеславянское побратимство). Въ случаѣ нужды, они торопятся помочь другъ другу и выручить другъ друга изъ бѣды. Вообще такой несовременный видъ дружки встрѣчается все рѣже и рѣже и конечно въ недалекомъ будущемъ останется только какъ сказаніе объ обычаяхъ и порядкахъ старины.

5) Хылэ, хылэ заманъ булды:

Карагай-басынъ шортанъ шалды.

Пер. Разныя были времена:

(А въ настоящее время) вершину сосны поборола щука.

Эта пословица любителей старины, возмущающихся новыми порядками. Какъ извѣстно, въ былыя времена киргизскимъ народомъ управляли султаны; а затѣмъ, киргизскими волостями управляли лица, избранныя только вліятельными и почетными представителями родовъ. Такимъ образомъ избирались управители, старшины и бии (народные судьи) и слѣдовательно избраніе управителей и судей принадлежало не всему киргизскому народу, а лишь небольшому числу представителей родовъ, такъ сказать — родовой аристократіи. Со введеніемъ новаго положенія (1868 г.), значеніе султановъ и почетныхъ киргизъ въ народѣ было совершенно уничтожено и избраніе на должности народныхъ управителей и судей перешло уже въ руки всей массы киргизскаго народа, выбранные представители котораго (пятидесятники потому что каждыя пятьдесятъ юртъ получили право избирать одного выборнаго) и начали отиравлять функціи прежнихъ почетныхъ избирате-

лей. Почетные киргизы разумѣется уклонялись отъ обязанностей пятидесятниковъ, а для того, чтобы не потерять свое вліяніе въ народѣ, проводили въ званіе выборныхъ—своихъ клевретовъ и слугъ. Отъ этого пятидесятники не пользовались не только почетомъ, но и уваженіемъ въ киргизскомъ народѣ. Пастухи же и прихлебатели богатыхъ людей, избранные въ *иллобасы**), разумѣется подчинялись во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ указаніямъ своихъ патроновъ.

Вотъ это-то право избранія пятидесятниками (волостными выборными) народныхъ управителей и судей и выражается словами: *карагай-басынъ шортанъ шалды*.

Подъ видомъ высокой сосны изображаются почетнѣйшіе представители родовъ, а вершина сосны: — народный управитель. *Шортанъ*—щука: рыба, которая, какъ и народная мелкота, по киргизскимъ народнымъ понятіямъ, должна безмолвно находиться на днѣ рѣкъ и озеръ (представляющихъ въ этомъ случаѣ обыденную, внутреннюю, родовую киргизскую жизнь). Какъ противуестественно для щуки выйти изъ воды, взлетѣть на воздухъ до высоты вершины сосны и побороть эту вершину, такъ приведенная поговорка представляетъ противуестественнымъ и то, что народные управители и судьи избираются простымъ народомъ и изъ его среды, безъ всякаго вниманія къ родовитости избираемаго, къ вліянію его на народную массу и даже безъ необходимаго по обычаямъ ценза**): непремѣнно и безусловно потребныя качества для управленія народомъ, въ прежнія времена.

Нынѣ эти качества часто замѣняются подкупомъ выборныхъ: почему и бывають случаи избранія на должности по туземному

*) *Иллю* — пятьдесятъ, *басъ* — голова. *Иллобасы* — киргизское названіе волостнаго выборнаго; точный переводъ этого слова — *пятидесятникъ*.

**) Прежде управители и бии (народные судьи) обязаны были, до избранія, выдержать испытаніе въ знаніи родословной своего рода, народныхъ обычаевъ, въ главнѣйшихъ случаяхъ жизни; а бии, кромѣ этого, еще и въ знаніи правилъ народнаго суда.

управленію людей недобросовѣстныхъ, неспособныхъ и неимѣющихъ никакого вліянія и значенія въ народѣ, т. е. такихъ же *шортановъ* (шукъ), какъ и сами избиратели *иллюбасы*, къ великому соблазну поклонниковъ старины и прежнихъ родовыхъ порядковъ.

6) *Итѣ джок-да шошка крэде корага.*

Бій джок-да кулѣ крэде джорага.

Пер. Когда (при юртѣ) нѣтъ собаки, кабанъ зайдетъ на скотный дворъ.

Когда нѣтъ (родоваго) бія (киргизскаго судьи), рабъ взойдетъ на судейское мѣсто.

Джора, собственно—*обычай* и судъ по народнымъ обычаямъ киргизъ; но въ приведенной пословицѣ это слово должно быть правильнѣе переведено словами: *судейское мѣсто*, тѣмъ болѣе, что прежній представитель *джора*—*бій* долженъ былъ хорошо знать народные обычаи и руководствоваться ими въ своихъ рѣшеніяхъ. Собака—караульщикъ юрты и загона для скота (*кора*) отъ дикаго и хищнаго звѣря и лихого человѣка разумѣется не впуститъ въ загонъ для скота—страшнаго кабана, самое ужасное, нечистое и презрѣнное изъ животныхъ (по ученію Магомета), которое однимъ присутствіемъ своимъ уже оскверняетъ загонъ правовѣрнаго мусульманина—и отсутствіе собаки при юртѣ подвергаетъ ее и загонъ для скота риску оскверненія приходомъ ненавистнаго и поганнаго животнаго.

Въ параллель съ этимъ въ пословицѣ приведена возможность оскверненія судейскаго мѣста:—когда же нѣтъ *бія*—блюстителя киргизскихъ народныхъ обычаевъ и народнаго судьи, избираемаго изъ самыхъ почетнѣйшихъ представителей народа, право суда можетъ захватить рабъ, мало знакомый съ народнымъ обычнымъ правомъ, который, по положенію своему, не имѣетъ вовсе голоса

въ общественныхъ дѣлахъ и своимъ присутствіемъ на судейскомъ мѣстѣ оскверняетъ, по киргизскимъ понятіямъ, почетное мѣсто судьи, какъ свинья—дворъ правовѣрнаго мусульманина.

**7) Малъ бакканъ—кошкарнынъ джаинъ
блэды.**

Пер. Скотоводъ знаетъ способности (свойства, особенности и время припуска къ овцамъ) племеннаго барана.

Пословица эта употребляется, для опредѣленія тактичности и добрыхъ качествъ народнаго управителя или судьи (*бія*), много лѣтъ занимающаго свою должность, справедливаго, знающаго хорошо свое дѣло и народные обычаи. Значеніе ея соотвѣтствуетъ смыслу русской пословицы: „*дѣло мастера боится*“.

**8) Зярънынъ кадырнъ зяргэръ блэды.
Зянь-талакъ—кайданъ билъсенъ.**

Пер. Отличительныя свойства (качество, оцѣнку) золота ювелиръ знаетъ.

Разрушитель супружества откуда (это) узнаетъ?

Эта пословица не принадлежитъ къ числу особенно древнихъ—киргизскихъ. *Зяръ*—золото, *зяргэръ*—ювелиръ, *зянь*—супружество, *талакъ*—разводъ, *кадыръ*—достоинство: слова не киргизскаго корня, а первые три—персидскія и послѣднія два—арабскія. Но пословица эта употребительна въ киргизскомъ народѣ, въ особенности среди грамотныхъ—почему и приведена здѣсь.

Она имѣетъ двойное значеніе и сообразно этому употребляется въ разговорѣ. Слово *зяръ* въ ней не слѣдуетъ переводить буквально словомъ—золото, а скорѣе словомъ «драгоценность», потому что если пословица употребляется въ упрекъ тѣмъ киргизамъ, которые охотно разводятся съ женами, для того чтобы жениться на болѣе молодыхъ, то она должна получить значеніе и переносный переводъ: «только хорошій семьянинъ можетъ знать

драгоценныя качества жены, въ семейной жизни; а человѣкъ, не дорожащій женою и готовый переменить ее при первой встрѣчѣ съ другою, не можетъ оцѣнить качествъ женщины, потому что видитъ въ ней не друга, а самку».

Иногда же эта пословица употребляется для того, чтобы уничтожить впечатлѣніе неправильнаго сужденія, обнаруживающаго поверхностное знакомство съ предметомъ сужденія, или же выражаетъ неудовольствіе на рѣшеніе бѣи, мало возникнушаго въ обстоятельствѣ дѣла и плохо знакомаго съ киргизскимъ обычнымъ правомъ.

**9) Джаксынынъ-джаксы блэръ смбатынъ.
Джамандаръ кайданъ билъсенъ асылъ
миненъ кмбатынъ?**

Пер. Хорошаго (человѣка) хорошій узнаетъ наружность.

Худые (люди) откуда будутъ знать—благородное и дорогое?

По своему значенію, пословица эта близко подходитъ къ предыдущей; только она чаще употребляется для выраженія характеристики нетактичнаго управителя, не умѣющаго отличать людей и относящагося безъ уваженія къ лицамъ, пользующимся вліяніемъ и почетомъ въ народѣ. Подобная нетактичность и заносчивость управителей часто служитъ причиною разладовъ между киргизскимъ народомъ и его управителями.

**10) Аши-миэнъ туши-не татканъ блэръ.
Алсз миэнъ джакнъ-де джортканъ
блэръ.**

Пер. Горькое отъ сладкаго отличить (тотъ), кто попробуетъ.

Дальность и близость (разстоянія) узнаетъ (тотъ) кто пройдетъ (его).

Значеніе этой пословицы ясно: она указываетъ на правильность

только тѣхъ понятій и заключеній, основаніемъ которыхъ былъ опытъ. Хотя она повидимому и близко подходитъ къ русской пословицѣ: „*Не спрашивай у стараго, спрашивай у бывалаго*“, но имѣетъ болѣе обширное значеніе и употребленіе и часто относится къ представителямъ народнаго управленія и суда, для того, чтобы выразить преимущества болѣе опытныхъ изъ нихъ.

**11) Куланъ кудукка джиглса—
Курбака кулагна мнэды.**

Пер. (Если) куланъ (equus onager) упадетъ въ колодець,
(То и) лягушка сядетъ ему на ухо.

Кулана (equus onager s. hemionus) киргизы считаютъ образцомъ, даже идеаломъ быстроты бѣга, поворотливости и неутомимости. Бѣгъ его, въ киргизскихъ пѣсняхъ, сравнивается съ вѣтромъ. Лучшая похвала быстрого и выносливаго скакуна, если говорятъ, что онъ можетъ догнать кулана. Такіе скакуны — рѣдкость въ степи и дорого цѣнятся любителями скачекъ — киргизами.

Поговорку эту киргизы употребляютъ для того, чтобы выразить презрѣніе къ низкимъ людямъ, не пропускающимъ обыкновенно случая поглумиться и излить всю свою злую и грязную душонку всевозможными оскорбленіями подвергшихся несчастію людей, передъ которыми прежде сами пресмыкались, льстили и заискивали.

Куланъ въ этой пословицѣ представляетъ собою *батыра* (богатыря, героя), богатаго человѣка, который почему либо обѣднѣлъ и лишился своей силы и власти, *Курбака* (лягушка) — низкіе люди, пользующіеся безсильемъ своего прежняго повелителя и властелина, для своихъ насмѣшекъ и которые доходятъ въ своей дерзости до того, что садятся ему на уши, т. е. задомъ выше его головы.

12) *Джаманг ксы мактанса,
Джасынны джагаснанг алдымз-дэрг.
Джаксы ксы мактанса
Джаманнанг—джата бэрбз калдымз
дэрг.*

Пер. (Если) дурной человѣкъ похвалится,
(Онъ) скажетъ (что) взялъ хорошаго (человѣка) за грудь
(за шиворотъ).

(Если) хорошій человѣкъ похвалится,
(Онъ) скажетъ (что) остался въ сторонѣ отъ дурнаго (че-
ловѣка).

Эту пословицу выражается киргизская характеристика хорошаго и дурнаго человѣка: причемъ, въ уста дурнаго человѣка вкладывается выраженіе дерзкаго неуваженія къ хорошему (почетному) человѣку, состоящаго въ похвальбѣ нанесеннымъ ему тяжкимъ оскорбленіемъ: взятіемъ его за низъ воротника халата, подъ бородою (*джагаснанг*).

Хорошій, благовоспитанный человѣкъ, по киргизскимъ понятіямъ, долженъ сторониться дурныхъ людей, способныхъ на недостойные поступки. Словами: *„джата бэрбз калдымз“*, т. е. «оставилъ въ сторонѣ» — изображается презрѣніе и какъ бы боязнь самаго прикосновенія къ дурному, какъ къ заразѣ.

13) *Джаксынны джулдаснанг танэйде.*

Пер. Хорошаго (человѣка) узнають по спутнику (товарищу).

Значеніе этой пословицы совершенно аналогично съ французскою: „Dis-moi qui tu hantes, et je te dirai qui tu es“ скажи мнѣ съ кѣмъ ты водишься, а я тебѣ скажу кто ты.

14) *Джаманнынъ касанаты тiеръ харъ-
джиргъ.*

*Джаксынынъ, шарафаты тiеръ таръ-
джиргъ.*

Пер. (Вредъ отъ дѣйствiя) дурного (человѣка) достигнеть всюду.
Добро (собств. благородство, отъ дѣйствiя) хорошаго (человѣка) попадетъ на узкое (небольшое) пространство земли.

Пословица эта, усвоенная нынѣ киргизскимъ народомъ, безъ сомнѣнiя не киргизскаго происхожденiя: какъ *касанатъ* (собственно—*касафѣтъ*), такъ и *шарафатъ* (собственно—*шурфѣтъ*) арабскiя слова и надо полагать, что она усвоена киргизами отъ сартовъ, языкъ которыхъ богатъ арабскими и персидскими словами.

При сопоставленiи въ пословицѣ результатовъ зла и добра выражено, что вредное дѣйствiе одного злого человѣка можетъ принести убытокъ и даже бѣдствiе цѣлому народу*); добрыя же дѣйствiя и щедрость хорошаго человѣка, какъ бы онъ богатъ и уменъ не былъ, могутъ принести существенную пользу относительно небольшому числу людей.

15) *Иръ арса—аруакъ.*

Атъ арса—тулакъ.

Пер. Захудасть муштина—(онъ будетъ) призракъ.

Исхудасть конь—(будетъ) сухая кожа.

Изъ этой пословицы видно, что по понятiямъ киргизскаго народа, представители мужества, силы и ловкости тогда только заслуживаютъ вниманiя, когда являются во всей своей красѣ. А лишь только захудасть:—обѣднѣетъ и потеряетъ силу (одряхлѣетъ) муштина (богатырь, герой), онъ уже становится извѣст-

*) По киргизскому обычному праву какъ *кунъ* (плата за кровь и увѣще), такъ и удовлетворенiе по рѣшенiю народнаго суда за *барымту* (грабежъ, угонъ скота), при несостоятельности виновнаго, платить весь родъ его.

нымъ не по своему настоящему положенію, а по своей прошедшей славѣ: это призракъ (*аруакъ*), какъ бы несуществующій въ дѣйствительности, памятный, какъ слава давно умершихъ предковъ.

Также говорится и о конѣ: когда конь захудаетъ, состарится до невозможности служить всаднику, на него смотрятъ какъ на высохшую кожу (*тулакъ*), годную развѣ для того, чтобы объ нее трепать шерсть, для валянія кошмы.

16) Имэнг агаштынъ ильгены—снганы.

Ирѣ—джгиттынъ ики суйлегены—

ульгены.

Пер. (Какъ только) дубъ погнется—сломится.

(Какъ только) молодецъ дважды скажетъ—умретъ.

Киргизы не знаютъ дуба (*имэнг-агашъ*) и начало пословицы названіемъ этого дерева указываетъ скорѣе на татарское происхождение ея, чѣмъ на киргизское. Татары—муллы и торговцы давно просвѣщаютъ киргизовъ и, внѣ предѣловъ сартовскаго торговаго вліянія,—главные, если не единственные степные торговцы. Этимъ и можно объяснить то, что киргизы узнали названіе дуба, которому эта пословица приписываетъ неспособность сгибаться и сопоставляетъ непоколебимость дуба съ словомъ молодца, которое не должно измѣняться.

Выраженіе *ики суйлегены* буквально—дважды сказано, должно быть переведено «если измѣнить данному слову» и тогда смыслъ пословицы дѣлается совершенно понятенъ. Она соотвѣтствуетъ русской пословицѣ: «Не давши слова—крѣпись, давши—держись». Только выраженія киргизской пословицы сильнѣе, такъ какъ она сравниваетъ неисполненное обѣщаніе молодца—мушны съ смертію (погребеніемъ честнаго имени).

**17) Досъ кутреръ конгльдэ,
Малъ кутреръ улюмдэ.**

Пер. Другъ (дружба) поднимаетъ (возвышаетъ) духъ,
Скотъ возвышаетъ смерть.

Буквальный переводъ этой пословицы, въ особенности второй части ея, не передаетъ принадлежащаго ей смысла. Въ пословицѣ сопоставлена параллель между дружбою и скотомъ (*малъ*).

Дружба возвышаетъ духъ человѣка, ободряетъ и веселитъ его; она помогаетъ ему въ горѣ и несчастіи и облегчаетъ тяжесть ихъ впечатлѣній.

Скотъ-же, т. е. количество скота, израсходованнаго на поминкахъ—возвышаетъ (увеличиваетъ значеніе) память покойнаго: потому что слухъ о роскошныхъ поминкахъ, на которыхъ убито много скота для продовольствія гостей, облетитъ всю степь, вмѣстѣ съ именемъ покойнаго, въ честь котораго были сдѣланы поминки; а еще дальше распространится и долѣе сохранится память о большихъ призахъ (*байга*) на скачкѣ, устроенной по случаю поминокъ.

Такъ что расходъ скота на поминкахъ увеличиваетъ (возвышаетъ) извѣстность богатаго человѣка настолько, что имя его, извѣстное при жизни можетъ быть лишь въ своемъ родѣ, много—уѣздѣ, послѣ богатыхъ поминокъ, разнесется далеко по степи.

Этимъ и можно только объяснить стараніе степняковъ—киргизовъ устроить возможно пышныя поминки по умершемъ родителѣ или родственникѣ. На такихъ поминкахъ иногда растрачивается цѣлое состояніе на призы и убиваются сотни лошадей и тысячи барановъ, для угощенія и продовольствія пріѣхавшаго на поминки народа.

**18) Сый—самулы,
Аза—карулы.**

Пер. Уваженіе (подарокъ) оплачивается

Подарокъ въ память покойнаго —обязателенъ.

Сый—почетъ, уваженіе, въ этой пословицѣ скорѣе означаетъ гостепріимство, сопровождающееся, по киргизскимъ обычаямъ, не только угощеніемъ, но и подарками при прощаніи съ гостемъ, въ особенности почетнымъ. Оплата гостепріимства приглашеніемъ въ гости (непремѣнно до истеченія года) обязательна, по киргизскимъ обычаямъ.

Аза-саму—киргизскій народный обычай. Какъ только умереть киргизъ, въ особенности пользующійся значеніемъ и уваженіемъ въ родѣ, родственники и друзья покойнаго обязаны явиться въ юрту умершаго, въ знакъ поминовенія его, при чемъ нынѣ мусульмане—киргизы читаютъ на распѣвъ положенную на этотъ случай первую главу корана.

Пріѣзжая для поминовенія усопшаго, они приводятъ съ собою *аза*—подарокъ родственникамъ покойнаго, состоящій изъ скота. Подарки эти назначаются на расходы для поминокъ. Количество скота въ *аза* зависитъ отъ богатства и близости отношеній дарящаго къ покойному. Богатые иногда дарятъ даже *тыю бастатканъ тогузъ*—девятку отъ верблюда, т. е. одного верблюда и восемь лошадей разныхъ возрастовъ, а иногда даже устраиваютъ на свой счетъ то или другое обычное увеселеніе на поминкахъ, напр. скачку съ призами (*байга*), единоборство, или состязаніе въ стрѣльбѣ, съ призами. Но это бываетъ только въ случаяхъ исключительной близости или дружбы къ покойному. Родственники покойнаго участвуютъ въ расходахъ по *байгъ* на поминкахъ.

Аза обязательна для всѣхъ тѣхъ, предки или родственники ко-

торыхъ были почтены исполненіемъ этого обычая со стороны покойнаго, или его родственниковъ.

19) *Казакъ байса—катнз алады*

Сартъ байса—тамъ согады.

Пер. (Если) разбогатѣетъ киргизъ (к. казакъ, онъ) возьметъ жену (женится).

(Если) разбогатѣетъ сартъ, (онъ) будетъ бить стѣны^{*)} (построить новую саклю).

Этою пословицею наглядно изображаются характеристическія особенности двухъ постоянно сталкивавшихся въ степи народностей.

Въ большей мѣрѣ сластолюбивый киргизъ, какъ только начинаетъ замѣтно богатѣть, беретъ, одну за другою, нѣсколько женъ и у богатыхъ мнѣ случалось встрѣчать даже до девяти женъ^{**)}, а три—четыре жены встрѣчаются довольно часто у богатыхъ к. казаковъ Большой орды и у *киргызовъ*.

Въ Средней ордѣ, въ мѣстахъ большого соприкосновенія киргизовъ съ татарами, чаще и богатые киргизы (*казаки*) довольствуются одною женою.

Осѣдлый житель Туркестана—сартъ, по мѣрѣ увеличенія своего благосостоянія, увеличиваетъ и расширяетъ свое жилище—глинобитныя сакли, которыя изнутри штукатуруются известью съ камышевымъ пухомъ и украшаются арабесками. Сартъ гордится обширными своими постройками и затѣйливостью внутренней ихъ отдѣлки:—это и подмѣтилъ наблюдательный степнякъ, не при-

*) Выраженіе совершенно правильное, для изображенія способа постройки сартовскихъ саклей и заборовъ: они, по большей части, глинобитные, штукатуренные глиной съ соломой (*саманъ, пахалъ*) и затѣмъ (сакли) изнутри выбѣленные, а иногда оштукатуренныя, сверхъ глины, тонкимъ слоемъ гашеной извести съ пухомъ головокъ камыша

**) Сувановскій управитель Трусекъ.

нающій удобствъ осѣдлой жизни и не промѣняющій на нее своего кочевого приволья.

Другой вариантъ этой же самой пословицы указываетъ уже на болѣе близкое знакомство киргиза съ особенностями жизни татарина и русскаго:

Казакъ байса—камнѣ аладэ.

Нугай байса—уй кладэ.

Урсъ байса—аракъ тшэдэ.

Въ этомъ вариантѣ тоже изображается большая наблюдательность и мѣткость определенныхъ киргизомъ особенностей той среды (татарь, станичниковъ и крестьянъ), которая ему близко знакома.

Пер. (Если) разбогатѣть киргизъ-казакъ—(онъ) возьметъ жену;
(Если) разбогатѣть татаринъ—(онъ) построить домъ;
(Если) разбогатѣть русскій—(онъ) будетъ пить водку.

Надо имѣть киргизскую наблюдательность, чтобы такъ мѣтко, въ нѣсколькихъ словахъ, охарактеризовать сталкивающіяся съ нимъ народности.

20) Казак-тынъ джаманы нугай булал-мэйдэ.

Нугайнынъ джаманы казакъ булал-мэйдэ.

Пер. Дурной (плохой) к. казакъ не сдѣлается татаринѡмъ.

Дурной (плохой) татаринъ к. казакѡмъ не будетъ (не сдѣлается).

Казакъ (киргизъ) очень дорожить принадлежностью къ своей народности и гордится ею.

Порядочный киргизъ, уважающій свои обычаи, знаетъ своихъ

предковъ не только по имени, но можетъ разсказать и отличительныя качества болѣе выдающихся изъ нихъ.

Только недостойный уваженія среди своихъ родовичей можетъ пожелать отказаться отъ принадлежности къ своей народности и въ этой пословицѣ выражено, что и плохой киргизъ, если онъ даже живетъ среди татаръ и усвоилъ себѣ образъ жизни, одежду и обычаи этого народа, то всетаки онъ останется отатарившимся киргизомъ и, при всемъ желаніи, никогда не сдѣлается татаринѣмъ; точно также, какъ и татаринъ, какъ бы онъ не принаравливался къ киргизской жизни и обычаямъ^{*)}, всегда останется татаринѣмъ.

21) По киргизскому обычаю, когда гость пріѣхалъ и остановился въ юртѣ, въ особенности если это гость почетный, по случаю его пріѣзда рѣжутъ барана, или даже лошадь, для угощенія пріѣхавшаго.

Избранное для жертвы обычаю гостепріимства животное предварительно показываютъ гостю. Гость долженъ видѣть, что животное вполне здорово, достаточно сыто и годно подъ заколъ, а затѣмъ и произнести *бата*^{**)} передъ заколомъ. Въ этой *бата* гость молить о ниспосланіи гостепріимному хозяину благословенія о сохраненіи его отъ всякаго зла.

Для такого случая существуетъ у киргизовъ *арка-да*^{***)} стереотипная форма, имѣющая характеръ пословицы; вотъ она:

*) Это касается множества приписанныхъ къ волостямъ татаръ, бѣжавшихъ въ былое время изъ губерній Европейской Россіи, чтобы избавиться отъ наказаній за совершенныя дома преступленія, или отъ рекрутской повинности. Такіе татары часто даже мѣняли свои татарскія имена на киргизскія, въ мѣстахъ приписки. Но, разумѣется, фizioноміи своей измѣнить не могли и какъ по рѣчи, такъ и по жизни оставались татарами.

**) *Бата*, собственно—*фатиха*, краткая молитва, словословіе.

***) *Арка*—хребетъ. Такъ киргизы называютъ гористую мѣстность, занятую кочевьями киргизовъ Семипалатинской и Акмолинской областей, стѣ Улу-тау до Алтая.

Э, э! Худай!

Бале, джаланнанз сакта,

Куле крьбъ, кунгренэ чкканнанз сакта,

Урстынз сутнанз сакта,

Тозактынз утнанз сакта

Алла-ху экбэрз!

Пер. О, Господи!

(Эту юрту) сохрани отъ бѣды и оговора,

Сохрани отъ (человѣка) входящаго съ улыбкой и уходящаго съ ворчаніемъ,

Спаси отъ русскаго суда,

Спаси отъ (вѣчнаго) огня ада,

О, Великій Боже!

Джала—клевета, съ цѣлью оговора передъ судомъ, или начальникомъ, практикуемая иногда, въ особенности пригородными киргизами и во время выборныхъ интригъ, для устраненія опасныхъ кандидатовъ и въ видѣ мести

Куле крьбъ, кунгренэ чкканз—есть наглядное изображеніе низкаго, двуличнаго человѣка, который, входя въ юрту, съ улыбкою привѣтствуетъ хозяина, восхваляетъ его гостепріимство и высказываетъ, можетъ быть, сочувствіе къ его интересамъ. Выходя же изъ юрты (т. е. какъ только обернется спиной къ хозяину) начинаетъ ворчать противъ него, осуждать его дѣйствія и непременно употребить во зло откровенность хозяина, вызванную его сочувствіемъ. Киргизъ—гость молить объ избавленіи его гостепріимнаго хозяина отъ такого лукаваго человѣка.

Урстынз сутнанз сакта! Какъ грустно и какъ обидно звучитъ для русскаго человѣка эта киргизская молитва; тѣмъ болѣе обидно, что въ недалекомъ прошломъ, когда въ судахъ господство-

вала теорія формальныхъ доказательствъ, канцелярская тайна и нескончаемая волокита, рѣзко противорѣчація киргизскимъ понятіямъ о судѣ,—страхъ номада передъ русскимъ судомъ былъ далеко не безоснователенъ.

Киргизскій народный судъ приступаетъ къ дѣлу, разбираетъ его и объявляетъ свой приговоръ въ одинъ и тотъ же день. При этомъ судьи (*бii*) знаютъ киргизскіе народные обычаи и руководятся ими въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ. Да и самое удовлетвореніе по рѣшеніямъ народнаго суда и исполненіе приговоровъ должно производиться, по обычаямъ, тотчасъ же. При отсутствіи скота у отвѣтника, платять за него—его родственники.

Русскій же судъ, начиная отъ дознанія, до продолжительнаго, по большей части, слѣдствія и затѣмъ до безконечно долго (бывало) ожидаемаго рѣшенія, совершенно непонятенъ для киргизовъ. Киргизъ, имѣющій дѣло съ русскимъ судомъ, не зная его порядковъ, формъ и обрядностей, поневолѣ долженъ обращаться за совѣтами къ разнымъ ходатаямъ по киргизскимъ дѣламъ, живущимъ на счетъ тяжущихся стеньяковъ. Эти господа, по большей части знающіе киргизскій языкъ, всегда рады случаю поживиться на киргизскій счетъ. Въ своихъ интересахъ, они запутываютъ дѣла, обманываютъ и вводятъ своихъ кліентовъ—стеньяковъ въ такіе расходы, которые разоряютъ и богатыхъ людей. Такая обстановка суда со старыми порядками дѣлала совершенно понятнымъ полное недовѣріе и страхъ передъ русскимъ судомъ, выражающійся въ молитвѣ, гдѣ сопоставлены порядки суда съ огнемъ ада. Разумѣется, введенное въ послѣдніе годы гласное судопроизводство скоро заставитъ и номада съ уваженіемъ относиться къ русскому суду и забыть изрѣченіе, оскорбляющее слухъ русскаго челоуѣка.

22) *Кулюге джокъ джуртта утрадэ.*
Сабасы джокъ,—сыртта утрадэ.

Пер. (Тоть, у кого) нѣтъ средствъ передвиженія—сидить на зимовкѣ,
(Тоть, у кого нѣтъ посуды*) для приготовленія кумыса сидить снаружи (въ юрты).

Кулюкэ—вообще средства передвиженія. Подъ этимъ названіемъ разумѣются: верховый и вьючный скотъ, телѣги, арбы и проч.

Слѣдовательно, первая часть пословицы должна быть переведена такъ: «тоть, кто не имѣетъ возможности перекочевывать, долженъ проводить лѣто на своей зимовкѣ». Что-же касается второй части, то переводъ ея, по смыслу, долженъ быть такой: «тоть, кто не имѣетъ возможности готовить кумысъ у себя дома и угощать кумысомъ,—не долженъ рассчитывать и на гостепріимство другихъ».

Такой переводъ второй части дѣлаетъ ее соотвѣтствующею русской пословицѣ: „*На чужой караванъ рта не развѣивай, а домой поспѣвай, да свой затѣвай*“.

Кромѣ того, вторая часть пословицы указываетъ также, что у киргизъ бѣдняки, не имѣющіе своего хозяйства и скота, не сидятъ, какъ гости, въ юртахъ богатыхъ людей, во время угощенья, а довольствуются присутствіемъ въ хозяйской юрты, вмѣстѣ съ прислугою и удовлетворяются остатками отъ стола хозяина и его гостей.

*) *Саба*—кожаная прокопченая посуда, шиваемая изъ одной цѣльной или изъ нѣсколькихъ конскихъ кожъ, въ видѣ огромной бутыли, для приготовленія кумыса. Непремѣнная принадлежность *Саба*—*испекъ* или *искекъ*, палка для взбалтыванія кумыса.

23) *Саба снa карай нспегэ* *Сакалма карай нскегэ.*

Пер. Смотря по саба *) нспекэ **)

Смотря по бородѣ—щипцы.

Вторая половина пословицы, служащая для объясненія и усиленія первой половины, мало понятна европейцу. Основаніемъ ея служить привычка не только киргизовъ, но и вообще у мусульманъ, во избѣжаніе частаго бритья бороды и усовъ вокругъ рта (какъ это предписываетъ шаріатъ, считающій оскверненными пищу и питье, въ которые погружаются усы, во время ѣды), съ начала роста бороды и усовъ, вырывать волосы на тѣхъ мѣстахъ, которыя должны чаще бриться и этимъ уничтожать корни (луковицы) волосъ. Для вырыванія волосъ дѣлаются особой формы щипчики изъ желѣза, или изъ мѣди, а иногда, у богатыхъ, даже изъ серебра. Такіе щипчики всегда носятъ съ собою, на себѣ привѣскѣ у пояса (*билъбеу*).

*) *Саба*—кожаный прокопченный мѣшокъ, для приготовленія кумыса. Онъ имѣетъ форму бутылки съ квадратнымъ дномъ.

**) *Нспекэ* или *нскекэ*—палка, для взбалтыванія кумыса: верхняя часть ея украшается рѣзбою и иногда инкрустациею изъ верблюжьей кости, инкрустированными серебромъ, желѣзными и даже серебряными накладками,—смотря по достатку и щедрости хозяина. Нижняя часть *нспека* упирается въ дощечку, для лучшаго взбалтыванія кумыса, находящагося въ періодѣ броженія.

Влад. ф.-Гернъ.

С 595 Сем
п 15

I

П

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА
СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ
на 1899 г.

0804

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.
Типографія Семипалат. Обл. Правленія.
1899.

Изъ записной книжки.

Этнографическія замѣтки.

Характеръ и нравы киргизовъ-казаковъ.

Кочевые степняки, составляющіе главную массу населенія Степного края, называютъ себя не киргизами, какъ мы ихъ называемъ, а *казаками*; названіемъ же „*кыргызъ*“ они отличаютъ отдѣльную отрасль своихъ горныхъ родовичей, носящихъ оффиціальное и принятое у насъ названіе «каракиргизовъ».

Какъ киргизы-казаки, такъ и кыргызы вообще и до сихъ поръ отличаются привѣтливостью, добродушіемъ и гостепріимствомъ, которое возведено у нихъ даже въ культъ. Оставшійся безъ угощенія путникъ и въ настоящее время ослабленія патріархальныхъ правовъ, по обычаю, имѣетъ право заявить объ этомъ бію (киргизскому народному суду), какъ о несоблюденіи и даже оскорбленіи священнаго обычая гостепріимства (*кунагасы*).

Изъ существующихъ для объясненія обязательности для кочевника обычая гостепріимства приведемъ двѣ киргизскія пословицы, рельефно обрисовывающія понятія киргизовъ о гостепріимствѣ.

По первой пословицѣ:

*Кунганча—кунагъ юяладэ,
Кунган-сонъ—юй-іесы юяладэ*

т. е. гость совѣстится передъ тѣмъ, что воспользуется гостепріимствомъ для ночлега, а хозяинъ юрты совѣстится послѣ того, какъ гость ночевалъ у него. Стыдливость гостя объясняется боязнью обезпокоить хозяина и ввести въ расходы по случаю посѣщенія его юрты, такъ какъ для угощенія пріѣхавшаго гостя, по древнему обычаю, должно быть заколото одно изъ лучшихъ употребляемыхъ въ пищу животныхъ (баранъ или лошадь—смотря по общественному положенію, занимаемому гостемъ) и при отъѣздѣ онъ долженъ получить соотвѣтствующій своему положенію подарокъ болѣе или менѣе цѣнный халатъ и даже коня). Стыдливость же хозяина объясняется боязнью того, что гость могъ чѣмъ нибудь остаться недоволенъ его гостепріимствомъ и какъ по пути, такъ и возвратившись домой въ среду своихъ родовичей, пустить позорящую доброе имя степняка молву о его скупости и несоблюденіи обычая гостепріимства.

Вторая пословица говоритъ:

*Кунагынъ алтыннынъ алма
— Батасынъ алъ*

т. е. не бери золота (твоего) гостя, а возьми (прими) его словословіе (благодарность въ видѣ молитвы).

Киргизы—казаки и кыргызы честны и миролюбивы. Обидѣть или обмануть гостя считается у нихъ крайне предосудительнымъ. Да и вообще знакомаго и дѣйствительно уважаемаго человѣка, а въ особенности—пользующагося уваженіемъ своего родовича киргизъ никогда не обманетъ и не оскорбитъ.

Киргизы не словоохотливы и болтливость между ними считается за порокъ. Напротивъ—молчаливость и важность осанки считается признакомъ ума и жизненнаго такта...

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти дѣти природы страстно любятъ сплетни(*), въ особенности такія, которыя имѣютъ хотя какое нибудь отношеніе къ ихъ жизненному обиходу или народному управленію. Не говоря уже о томъ, что пріѣздъ или выѣздъ въ степь кого либо изъ уѣздной администраціи, а въ особенности Уѣзднаго Начальника, ихъ дѣйствія, распоряженія, даже произнесенныя слова, съ разными прикрасами, но также и дѣйствія ближайшихъ къ народу лицъ туземной администраціи или пользующихся вліяніемъ и уваженіемъ родовичей—очень быстро разносятся среди киргизскаго населенія.

Какъ дѣти природы—киргизы очень суевѣрны. Ихъ примѣты и повѣрья на каждомъ шагу жизни—неисчислимы. Настоящій степнякъ-киргизъ ни за что не выѣдетъ въ дальнюю дорогу въ субботу и въ особенности-во вторникъ, считая эти дни несчастливыми и тяжелыми(**). Тотъ, кто непременно почему либо долженъ выѣхать во вторникъ, считаетъ своею обязанностью въ понедѣльникъ отойти отъ своей юрты на сорокъ шаговъ, по направленію предполагаемаго пути, и зарыть тутъ горсть соли завернутую въ тряпочкѣ. Выѣхавъ затѣмъ во вторникъ, путникъ останавливается у мѣста, гдѣ закопана соль, выкапываетъ ее и беретъ съ собою, для предотвращенія всякихъ несчастій, твердо вѣря, что если дорожный запасъ соли былъ на пути съ понедѣльника, то злословія выѣхавшаго во вторникъ для него не опасны.

(*) По киргизски сплетня—*усекъ, усекъ-сюзъ*; а слухъ, новости, о которыхъ всегда спрашиваютъ встрѣчнаго: *узунъ-кулакъ* (буквально—длинное ухо) *хабаръ* (извѣстіе).

(**) Это соответствуетъ нашимъ понедѣльникамъ и пятницамъ, соблюдаемымъ не менѣе ревностно и у насъ.

Заклинанія и амулеты у нихъ на каждомъ шагу. Любимый конь, любимый ребенокъ—непремѣнно носить при себѣ постоянно амулеты: лошадь — на чолкѣ или, изрѣдка, на гривѣ. Для ѣздока съ лошадыю, на время пути, амулеты прикрѣпляются къ уздечкѣ. Ребенокъ носитъ амулетъ на шеѣ, черезъ плечо, или прикрѣпленный къ волосамъ (для чего у мальчиковъ оставляютъ на темени клочокъ волосъ) или на тибетейкѣ. Амулеты обыкновенно зашиваются въ кусочекъ кожи и имѣютъ, по большей части, форму треугольника или четверугольника небольшой величины(*). Это, конечно, остатки прежняго язычества, не уничтоженные исламомъ.

Какъ вообще народъ некультурный, киргизы легко поддаются обаяніямъ лести, а пронырливые татары и станичники: торгаши и ростовщики въ степи—всегда съ успѣхомъ пользуются этою слабостью киргизскаго характера и эксплуатируютъ ее въ своихъ интересахъ.

Въ разговорахъ съ мало знакомыми людьми киргизы очень осторожны. Человѣку постороннему, въ особенности принадлежащему другой національности, не легко получить прямой и обстоятельный отвѣтъ на заданный киргизу вопросъ. Боясь повредить себѣ или своимъ родовичамъ откровеннымъ отвѣтомъ на предлагаемый вопросъ, который почему либо можетъ казаться замысловатымъ или хитрымъ, киргизъ непремѣнно постарается добиться цѣли, съ которою вопросъ ему предложенъ, и тогда уже, смотря по обстоятельствамъ, дать прямой отвѣтъ или всетаки уклончивый; а иногда явно скажетъ неправду.

Цѣломудріе какъ киргизовъ-*казиковъ* и *кыргызовъ* такъ и кир-

(*) Эти амулеты иногда называются по татарски-„*тымаръ*“ (*тумаръ*), иногда же по киргизски-„*айкель*“. У дѣвушекъ *айкель* дѣлается преимущественно четырехугольной формы; большого размѣра и носится черезъ плечо, въ роскошно расшитой шелками сумкѣ.

гизскихъ женщинъ и дѣвушекъ не безупречно и въ народѣ, который, по преданіямъ, за проступки женскаго пола противъ цѣломудрія наказывалъ, въ былое время, смертію, въ настоящее время, цѣломудріе не имѣетъ никакой цѣны и значенія, даже во время женитьбы. Это, вѣроятно, и служитъ причиною того, что между киргизами сильно развитъ сифилисъ во всѣхъ степеняхъ. Какъ результатъ этого заболѣванія, довольно часто можно встрѣтить по всей степи мужчинъ и женщинъ съ обезображеннымъ этою болѣзною лицомъ и провалившимся носомъ.

Отъ этого страшнаго бича человѣчества киргизы лѣчатся ртутными подкуриваніями, для чего употребляютъ металлическую ртуть и киноварь. Они дѣлаютъ и ртутныя втиранія, и сами для этого готовятъ мазь, растирая и смѣшивая ртуть съ бараньимъ саломъ. Заболѣвшимъ сифилисомъ дѣтямъ даютъ внутрь небольшіе приемы этой же мази, искусно вложенные, для замаскированія лѣкарства, въ ягоды кишмиша (изюма).

Киргизы-казаки и *кыргызы*, по моему личному убѣжденію, добры, кротки и по своему честны; хотя понятія ихъ о чести и честности нѣсколько своеобразны. Напримѣръ, обмануть какъ нибудь покупателя или продавца у нихъ вовсе не считается предосудительнымъ; но долги свои торговцамъ киргизы платили безъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, до послѣдняго времени, по большей части, очень исправно, хотя и не всегда въ назначенный срокъ. Въ послѣднее же время, надежи въ степи и вызванныя ими карантинныя мѣры во многомъ измѣнили къ худшему степную торговлю и торговцы, привыкшіе въ степи получать съ кочевниковъ громадныя проценты, едва успѣваютъ сводить концы съ концами. Въ прежнее время неаккуратность киргизскихъ платежей по вексямъ въ срокъ давала возможность ростовщикамъ брать съ безпечныхъ киргизовъ огромныя проценты и переписы-

ваніемъ векселей держать степняковъ въ постоянной кабалѣ.

Нынѣ киргизы, въ особенности пригородніе, ознакомились съ порядкомъ взысканія по векселямъ и ловко умѣютъ оказываться несостоятельными къ платежу, такъ какъ родственники и родовичи во всемъ и всегда отвѣтственные за родовича по киргизскому народному праву—за должника по векселямъ неотвѣтственны.

Какъ народъ находящійся и до сего времени въ полудикомъ состояніи, киргизы въ управленіи и во властяхъ умѣютъ уважать только энергію и настойчивость, конечно—въ предѣлахъ справедливости. Слабости нужныхъ имъ лицъ и своихъ начальниковъ они скоро замѣчаютъ и отлично умѣютъ употреблять ихъ въ свою пользу.

Чѣмъ дальше киргизъ находится отъ вліянія торгащей-татаръ и чѣмъ далѣе его кочевья отъ казачьихъ станицъ, тѣмъ рельефнѣе выступаютъ въ немъ его хорошія патріархальныя качества.

Описывающіе киргизскій народъ, только поверхностно и одно-сторонне ознакомившіеся съ его жизненною обстановкою, называютъ его иногда въ высшей степени кляузнымъ.

Продолжительныя и внимательныя наблюденія за жизнью нашихъ степныхъ кочевниковъ даютъ мнѣ право сказать, что такое заключеніе по меньшей мѣрѣ преувеличено, одно-сторонне и основано на знакомствѣ бытописателей съ особенностями пригородныхъ жителей и киргизовъ, имѣющихъ зимовки вблизи казачьихъ станицъ, русскихъ и татарскихъ селеній.

Киргизъ, по своему миролюбивому характеру, не любитъ кляузничества и съ презрѣніемъ даже относится къ личностямъ, занимающимся кляузами; но опять,—чѣмъ больше вліянія на киргизовъ: а) татаръ (я говорю о тѣхъ татарахъ, которые ѣздятъ въ степь и живутъ тамъ для наживы на киргизскій счетъ и,

преслѣдуя эту цѣль, употребляютъ въ дѣло всякія ухищренія и мошенничества для обмана степняка), которые съ своею ловкостью и пронырствомъ всегда выигрываютъ иски противъ мѣшковатыхъ степняковъ киргизовъ, къ какимъ бы судамъ эти иски не были обращены; а также б) недобросовѣстныхъ людей изъ русскихъ, обманывающихъ довѣрчивыхъ киргизовъ на базарахъ и во всѣхъ сдѣлкахъ. Если же горожанинъ или казакъ умѣетъ, хотя полу-грамотно, писать и научился хотя немного болтать по киргизски, то заявляетъ себя ходатаемъ по киргизскимъ дѣламъ, подстрекаетъ киргизовъ къ писанію и подачѣ разныхъ просьбъ и исковъ для того только, чтобы сорвать съ просителей нѣсколько рублей за написаніе прошенія (*арзъ*) и получить возможность попользоваться.

Такихъ ходатаевъ, спеціально занятыхъ писаніемъ возможно болѣе чувствительныхъ и не всегда выражающихъ желаніе просителя жалобъ, засыпанныхъ, по большей части, неподходящими статьями закона(*), есть всегда нѣсколько въ каждомъ уѣздѣ, а въ мѣстахъ пребыванія областной администраціи они проживаютъ десятками, прокармливаясь на счетъ довѣрчивыхъ киргизовъ. Это, по большей части, отставные писаря, толмачи и чиновники; но въ числѣ художниковъ въ этомъ дѣлѣ бывають иногда и слушащіе. Они, какъ хорошо знакомые съ канцелярскимъ крючкотворствомъ, уже не только излагають письменно желаніе обратившагося къ нимъ киргиза, а хитросплетеніями и вымыслами запутываютъ дѣло своего кліента такъ, что оно тянется много лѣтъ и надолго обезпечиваетъ кормленіе этихъ паразитовъ киргизскаго народа. У такихъ искусниковъ есть между киргизами

(*) Это киргизы называютъ „*карала-закунъ*“ т. е. чернопестрый законъ: неправильно приведенный и превратно истолкованный замысловатый или даже вымышленный законъ, который можетъ имѣть двойное толкованіе.

свои агенты, которые наставляють и направляют прїѣзжихъ степняковъ прямо къ своимъ патронамъ.

Это развиваетъ въ киргизахъ охоту къ сутяжничеству, потому что заплатившій уже разъ за написаніе просьбы киргизъ ищетъ возможности вознаградить себя за произведенный расходъ и для этого входитъ въ новые расходы, посылая просьбы, въ случаѣ неуспѣха въ низшей, въ высшія инстанціи; а иногда сразу подаетъ просьбы во всеѣ инстанціи, возможные для киргизовъ и извѣстныя имъ: въ особенности, если случайно, во время подачи просьбы, высшее начальство посѣтитъ уѣздъ, къ коему проситель киргизъ принадлежитъ.

Пригородные и пристаничные киргизы дѣйствительно отличаются кляузничествомъ и плутовскими продѣлками съ своими же родовичами, прїѣзжающими изъ глубины степи въ городъ, на базаръ.

Есть, конечно, кляузники и между киргизами въ волостяхъ, отдаленныхъ отъ селеній; но такіе люди составляютъ исключеніе и не пользуются симпатіями своихъ родовичей.

Въ уѣздныхъ городахъ обыкновенно важную для степняковъ роль играютъ опытные въ дѣлѣ киргизской интриги толмачи и разные переводчики, которые, разумѣется съ своекорыстными цѣлями, руководятъ киргизами, прїѣзжающими въ города съ нуждами своими и жалобами. Они покровительствуютъ своимъ клиентамъ—киргизамъ и наставляютъ ихъ, какъ и къ кому надо обратиться съ какою просьбою; сами же лично, или черезъ своихъ подручныхъ, становятся посредниками въ расходахъ просителей, направленныхъ для достиженія ихъ цѣлей.

Хорошо знающіе это киргизы, по прїѣздѣ въ городъ, сначала всегда идутъ за совѣтомъ и съ поклономъ къ надлежащему переводчику.

Этого рода ходатайства особенно сильны и важны, разумѣется, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ начальство незнакомо съ языкомъ и обычаями киргизовъ и, не имѣя возможности провѣрить правильность перевода, становится въ своихъ дѣйствіяхъ въ зависимость отъ переводчика.

Сплошь и рядомъ бывало, что киргизъ заявляетъ или отвѣчаетъ одно, а переводчикъ переводитъ совсѣмъ другое.

Точно также переводчики и толмачи поступали и съ отвѣтами и приказаніями начальства, незнакомаго съ киргизскимъ языкомъ.

Нынѣ пригородные киргизы настолько уже ознакомились съ русскою разговорною рѣчью, что значеніе переводчика въ ихъ личныхъ обращеніяхъ къ начальству во многомъ измѣнилось.

Привыкшіе къ родовому началу и къ общности родовыхъ интересовъ, киргизы всегда твердо стоятъ за своего родовича, хотя-бы даже и сознавали, что онъ неправъ. Это въ особенности всегда рѣзко выражается, если киргизу приходится становиться въ защиту своего родовича противъ иновѣрца.

Какъ для удостовѣренія правоты иска или жалобы, такъ и для оправданія обвиняемаго, однимъ изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ, по киргизскому обычному праву, сыздавна была присяга.

Въ прежнее время присяга имѣла очень серьезное значеніе въ киргизскомъ народномъ судѣ. Пользовавшійся уваженіемъ народа киргизъ, выбранный на присягу, употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы склонить стороны къ миролюбивому окончанію дѣла, и въ случаѣ безуспѣшности такихъ стараній, чтобы не выдать родовича, скорѣе и охотнѣе соглашался самъ, изъ своего имущества, заплатить по иску, чѣмъ исполнить обрядъ присяги,

который, между тѣмъ, по большей части, состоялъ въ томъ, что избранный на присягу являлся къ указанному для присутствованія при присягѣ почетному родовичу или бію и заявлялъ ему, что готовъ принять и принимаетъ присягу (за такого-то и по такому то дѣлу). Въ этомъ заявленіи и состоялъ весь обрядъ присяги.

По преданіямъ киргизовъ (одинаково—казаковъ и кыргызовъ) принявшій присягу, хотя-бы и по правому дѣлу, терялъ значеніе члена общества: его сторонились, какъ заразы, и даже считалось предосудительнымъ не только имѣть съ нимъ какое либо дѣло, но даже и заходить въ его юрту.

*„Антъ ишкеннынъ уйна барма,
— Айрандей джугады“*

учить древняя киргизская пословица.

Она говоритъ: Не ходи въ юрту принявшаго присягу: (ядъ или зараза ея) прилипнетъ (пристанетъ къ тебѣ), какъ айранъ(*).

Такое понятіе о присягѣ дѣлало въ былое время то, что опредѣленіе народнымъ судомъ присяги было почти однозначуще съ обвиненіемъ лица, для оправданія коего присяга опредѣлена.

Другая пословица еще рельефнѣе выражаетъ народный страхъ къ присягѣ и присягавшему. Она говоритъ:

*„Антъ ишкеннанъ-мынгы улёды;
— Уу ишкеннанъ—быры улёды“,*

т. е. Отъ принятія присяги умереть (пропадетъ—пострадаетъ) тысяча, а отъ принятія яда—умереть одинъ.

(*) Айранъ—заквашенное кипяченое молоко—прохладительный напитокъ киргизовъ (преимущественно бѣдняковъ) во время лѣта. Пятна отъ айрана трудно выводятся изъ одежды.

По обычному праву киргизовъ, за несостоятельнаго, приговореннаго къ уплатѣ, обязанъ былъ платить цѣлый родъ, къ коему принадлежалъ приговоренный, и приведенная пословица выражаетъ то, что, въ случаѣ принятія однимъ человѣкомъ обвинительной присяги, имущественно можетъ пострадать цѣлый родъ (тысяча); тогда какъ отъ принятія яда можетъ пострадать (и умереть) только принявшій его. Да и самый процессъ принятія присяги называется „*Антъ—ишуу*“, т. е. пить клятву или, болѣе употребительно: „*джанъ—бируу*“, что значить — отдавать душу. Такое значеніе присяги наводитъ на мысль, что принявшій присягу считался какъ-бы покончившимъ съ своею жизнью.

Когда-же киргизы ближе познакомились съ плутоватыми торговцами татарами и, въ особенности, съ промышлявшими на киргизскій счетъ и фанатизировавшими степняковъ татарскими муллами, то эти фанатики внушили легковѣрнымъ киргизамъ, что въ защиту мусульманина противъ русскаго и даже въ защиту своихъ родовыхъ интересовъ, въ особенности передъ русскимъ судомъ, или начальникомъ, шаригать не возбраняетъ давать ложную присягу и, для доказательства справедливости такого объясненія, находили и указывали киргизамъ толкованія и изрѣченія магометанскихъ вѣроучителей. Такія изрѣченія носятъ названіе „*риваіятъ*“.

Усвоившіе такіа безсовѣстныхъ толкованія киргизы потеряли прежній страхъ къ процессу принятія присяги и даже свидетельская присяга нынѣ для киргизовъ не имѣетъ большого значенія; а для того, чтобы защитить или оправдать родовича, киргизъ, въ особенности родственникъ нуждающагося въ защитѣ, готовъ выдать какую угодно ложную присягу, въ особенности передъ русскимъ судомъ, или противъ русскаго, и вовсе не считаетъ такой поступокъ дурнымъ или противнымъ его вѣрованіямъ.

У киргизовъ-казаковъ и кыргызовъ существуетъ даже (можетъ быть перенятый отъ татаръ) способъ избѣжать кары небесной за ложную присягу, принятую даже передъ народнымъ судомъ (къ которому киргизы и до сихъ поръ относятся еще съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ) и въ присутствіи почетныхъ лицъ изъ среды киргизскаго народа: передъ принесеніемъ завѣдомо ложной присяги, съ сочиненными на этотъ случай молитвами, рѣжутъ *бѣлую* кобылу (а при незначительныхъ дѣлахъ и *бѣлаго* барана), вареное мясо которой должны съѣсть отвѣтчики (или истцы) и лжесвидѣтели для того, чтобы, по киргизскому повѣрью, вина за ихъ ложную присягу пала на душу зарѣзанной бѣлой кобылы.

Послѣ такого жертвоприношенія, киргизъ, съ совершенно спокойной совѣстью, даетъ какую угодно ложную присягу и ложное присяжное показаніе, въ полномъ убѣжденіи, что не только на этомъ, но и на томъ свѣтѣ, въ загробной жизни, онъ за такую ложь не отвѣтитъ.

Вотъ до чего дики, въ настоящее время, понятія киргизовъ о святости свидѣтельства и присяги и въ какое положеніе можетъ быть поставленъ русскій судъ, основывающій свои рѣшенія на присяжныхъ показаніяхъ двоихъ, а иногда — четверыхъ свидѣтелей, по указанію лица, показанія коего они должны подтвердить.

По киргизскому обычному праву, если будетъ дознано, что какая либо изъ исковыхъ или тяжущихся сторонъ, не задолго до разсмотрѣнія дѣла, *только рѣзала бѣлую кобылу* и даже *бѣлую* лошадь, то свидѣтели, выставленные ею, вовсе недопускаются къ присяжнымъ показаніямъ и къ спросу въ народномъ судѣ.

По обычаю киргизовъ, противной сторонѣ дозволяется избирать изъ рода или волости своего противника свидѣтеля, для удосто-

вѣренія присягою справедливости иска или отвѣта его родовича.

Только очень почетная и извѣстная своею добросовѣстностью личность не дастъ ложной присяги въ защиту своего родовича и до сихъ поръ еще есть въ киргизскомъ народѣ нѣсколько лицъ и семействъ, которыя скорѣе уплатятъ по чужому иску, чѣмъ примутъ за кого либо присягу.

Такія личности и семьи наперечетъ и нѣкоторыя изъ нихъ освобождены народнымъ судомъ отъ выбора на присягу: напр., кыргызы рода Сарыбагышъ, манапъ(*) *Шадманъ* (его тоже называютъ *Шабданъ*) *Джантаявъ*(**) Пишпекскаго уѣзда Семирѣченской области) и семья *Чормановыхъ*(***) (Павлодарскаго уѣзда Семипалатинской области.)

На отсутствіе любви киргизовъ къ сутяжничеству указываетъ, между прочимъ, и то, что, по большей части, при рѣшеніи дѣлъ народными судьями, обѣ тяжущіяся стороны охотно оканчиваютъ искъ между собою миромъ и истецъ бываетъ доволенъ, получая половину стоимости причиненныхъ ему убытковъ. Такое соглашеніе называется „на карындасъ“ — что значитъ — по родственному.

Киргизу нуженъ *рымъ* (въ этомъ случаѣ *слава* побѣдившаго на судѣ и получившаго плату съ противника). Слово *рымъ* употребляется, обыкновенно, въ смыслѣ — *добрый знакъ* или вообще — *примѣта*, при какомъ либо начинаніи или важномъ въ киргизскомъ быту дѣлѣ, исходъ коего предвидѣть нельзя.

„*Рымъ*“ играетъ важную роль и на киргизскихъ *байгахъ* (скачкахъ) во всей киргизской степи.

(*) Родовое почетное званіе *кырымзовъ*.

(**) На коронаціи Императора Александра III получившій чинъ заурядъ Войскаго Старшины, сынъ знаменитаго манана Джантая, предводителя Сарыбагышей, оклояты коего убитъ плѣсанный имъ мятежный султанъ Кенисара.

(***) Дѣти бывшаго Старшаго Султана Полковника Мусы Чорманова.

Какъ-бы велики призы не были, выигравшіе призъ, кромѣ славы для своего скакуна, получаютъ очень немного изъ причитающагося на ихъ долю приза. А въ Семирѣчьѣ и въ Ауліятинскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области, первые призы скачекъ, которыя устраивались при поминкахъ почетныхъ лицъ, иногда достигали очень большихъ размѣровъ.—Мнѣ лично случилось присутствовать на *байгѣ*(*), первый призъ которой достигалъ: *ста лошадей, ста барановъ, девяти верблюдовъ* и небольшой юрты, вмѣсто кошемъ покрытой развернутыми кусками красного сукна (т. е. стоимостью болѣе двухъ тысячъ рублей); а мнѣ извѣстны *байги* съ гораздо большими первыми призами, цѣнность которыхъ доходила до семи-восьми тысячъ рублей.

За выигравшимъ остается слава выигрыша (*рымъ*); а призъ разбираютъ родственники и друзья выигравшаго, приносящіе ему поздравленіе по поводу выигрыша приза.

Воспротивиться этому выигравшій призъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Не отдастъ самъ,—такъ расхватаютъ силою: таковъ уже обычай.

Зато, въ случаѣ несчастія родовича, напримѣръ—убійства, за которое приходилось, по киргизскому народному обычаю, платить „*кунъ*“ (плата за кровь(**)), убійца платилъ то количество скота, какое у него найдется. Остальное, до пополненія суммы (количества скота), назначенной народнымъ судомъ, все дѣлилось родомъ, между юрто-владѣльцами, смотря по благосостоянію и по степени близости родства къ убійцѣ, обязанному платить *кунъ*.

(*) По случаю смерти *Уикемтыра*, въ Вѣрненскомъ уѣздѣ.

(**) Не отъ одного-ли корня происходитъ „*Куна*“—плата за кровь по древнему русскому праву, вполне соответствующая понятію киргизовъ объ имущественномъ вознагражденіи за вредъ, причиненный убійствомъ или серіознымъ поврежденіемъ части тѣла.

Ближайшіе родственники обязаны были платить сравнительно больше.

Такъ-же точно, на долю получающаго *кунъ* выдѣлялось *бѣли* и старѣйшими рода (*аксакалами*) не болѣе четверти собственно *куннаго* скота. Остальное разбирали родственники получающаго *кунъ* и, отчасти, почетныя лица рода (а затѣмъ — волости).

Полный *кунъ* за жизнь мужчины, если трунь убитаго переданъ родственникамъ, безъ всякаго различія возраста убитаго, въ Семирѣчѣ составлялъ: *двѣсти* лошадей (пяти возрастовъ)(*) и, кромѣ того:

1) сто барановъ,	
2) сто рублей,	
3) <i>лучшій</i> конь и	} изъ рода или волости
4) <i>лучшій</i> верблюдъ	
	} убійцы.

Третье и четвертое дополненіе къ куну носитъ названіе: „*чаганъ атъ*, *чаганъ-түё*“. — *Лучшій* конь-это всегда лучший скакунъ (изъ рода или волости обязаннаго платить *кунъ*) бравшій призы на скачкахъ, или лучший по силѣ и быстротѣ бѣга иноходецъ. Такія лошади хорошо извѣстны въ степи. *Чаганъ түё* —лучшій верблюдъ выбирается по красотѣ, росту и силѣ. Одногорбымъ (*наръ*) дается преимущество передъ двугорбыми. Стоимость *лучшаго* коня и верблюда опредѣляется количествомъ обыкновеннаго скота (лошадь по пятому году равна стоимости шести годовалыхъ барановъ (*сэкъ*)) и излишекъ стоимости, по раскладкѣ

(*) При рѣшеніяхъ киргизскаго народнаго суда о вознагражденіи скотомъ, обыкновенно, количество опредѣленнаго къ уплатѣ крупнаго скота дѣлится на пять равныхъ частей, при чемъ одна часть скота должна быть не моложе пятого года (*бэсты*—у к. казаковъ и *асый*—у кыргызовъ), одна часть—по четвертому году (*дунанъ*), одна—по третьему (*кунанъ*), одна—по второму (*тай*) и одна—по первому (*кулунъ*). Кобыла съ жеребенкомъ, какъ равно и жеребая кобыла принимается за двѣ головы.

платежа куна на родъ или волость, возвращается тѣмъ, кому взятая лошадь и верблюдъ принадлежали.

Кунъ за жизнь женщины составляетъ половину куна, опредѣленнаго за мужчину, съ тѣми же придатками, какіе назначены и къ мужскому *куну*.

Если трупъ не отданъ родственникамъ, то виновный въ убійствѣ приговаривался къ уплатѣ куна въ полуторномъ размѣрѣ.

Кунъ платился и за изгнаніе плода, или за нанесеніе беременной женщинѣ вреда, послѣдствіемъ котораго былъ выкидышъ. При этомъ, размѣръ куна зависѣлъ отъ пола и возраста выкидыша.

За нанесенное увѣчы платился тоже кунъ или часть его, при чемъ размѣръ такого куна опредѣлялся народнымъ судомъ, сообразно нанесенному вреду, причиненному безобразію и значенію увѣчья для ограниченія способности потерпѣвшаго къ труду и опасности увѣчья для его жизни.

Скотоводство у киргизовъ.

Все домашнее хозяйство киргизовъ — казаковъ и кыргызовъ и всѣ сопряженные съ нимъ труды, какъ зимою, такъ и при перекочевкахъ, отъ весны до поздней осени, лежатъ на женщинѣ. На долю лѣниваго, поѣтому, кочевника — мужчины остаются только заботы о пастыбѣ скота и охранѣ его отъ хищниковъ (вора и волка).

Киргизъ скотоводъ, въ особенности состоятельный и богатый, охраняющій свои стада и табуны наемными пастухами, живетъ, безъ особаго труда, на счетъ своихъ стадъ, доставляющихъ ему не только пищу и питье (мясо, кумызъ и другіе молочные про-

дукты), но и снаряженіе (волосянныя и шерстяныя веревки, сѣдельный приборъ), обувь, одежду (кожи и шерстяныя ткани) и даже покрышку лѣтнихъ жилищъ и постилку въ жилищахъ (войлокъ).

Запасовъ для прокормленія своего скота, во время зимы, киргизы, зимующіе къ югу отъ 49 параллели, дѣлають очень мало, а еще южнѣе — и вовсе не дѣлають, такъ какъ скотъ ихъ, въ теченіе круглаго года, довольствуется подножнымъ кормомъ.

Стада киргизскихъ дойныхъ овецъ и рогатый скотъ пасутся невдалекѣ отъ аула. Годовалые телята пасутся вмѣстѣ съ овцами, а ягнята, вмѣстѣ съ телятами — сосунками, отдѣльно, близъ ауловъ, для того, чтобы не высасывали матокъ. Овецъ и рогатый скотъ поручають надзору пастуховъ — мальчиковъ, разбѣжающихъ для этого всегда верхомъ на одной изъ молодыхъ рогатыхъ скотинъ: двухъ — трехъ годоваломъ бычкѣ или яловой телкѣ, осѣдланной обыкновеннымъ киргизскимъ сѣдломъ.

Для управленія такимъ животнымъ, на второмъ году жизни, ему прокалываютъ хрящъ носовой перегородки въ ноздряхъ и въ этотъ проколъ вставляютъ свѣжую таловую палочку, которую связываютъ въ видѣ кольца.

Когда ранка заживетъ, то къ кольцу привязываютъ волосяную веревку (*арканъ*) и, поднявъ кольцо кверху, заматываютъ веревку между рогами.

Эта веревка служить для управленія животнымъ, когда на немъ сидятъ верхомъ, и играетъ роль повода уздечки. Пастухи по цѣлымъ днямъ не сходятъ съ верхового животного и слѣдуютъ, шагъ за шагомъ, за своими стадами. Они только иногда отдѣляются отъ стадъ своихъ, для того чтобы подогнать отставшую или отошедшую отъ стада скотину.

При болѣе значительныхъ стадахъ, пастуховъ бываетъ двое, трое и даже болѣе.

У бѣдняковъ пасутъ стада члены семьи: обыкновенно—сыновья хозяина юрты, которому принадлежитъ скотъ или, по очереди, одинъ изъ членовъ семействъ аула, если нѣсколько вмѣстѣ кочующихъ юртовладѣльцевъ пасутъ свой скотъ вмѣстѣ.

Иногда стада пасутъ старики, если они, по слабости или физическимъ недостаткамъ, не годны для другой работы.

Къ пастбѣ скота приучаютъ дѣтей лѣтъ съ шести—семи. Сначала имъ поручаютъ пасти ягнятъ и телятъ-сосунковъ, пасущихся близъ самыхъ ауловъ. Здѣсь пастухи слѣдятъ за стадами на глазахъ у старшихъ.

На другой годъ мальчикамъ поручаютъ пасти стада овецъ уже на осѣдланныхъ бычкахъ или телкахъ.

Пастухамъ даютъ, для дневного продовольствія, немного *курта* (сухого сыра), *баурсаковъ* (кусочковъ тѣста, жареныхъ въ бараньемъ салѣ), или одну—двѣ лепешки, испеченныя въ золѣ, и чашку, для того, чтобы пастухъ могъ напоить себѣ молока, или зачерпнуть воды для питья.

Киргизъ пастухъ не тяготится сидѣньемъ верхомъ, въ теченіе цѣлаго долгаго лѣтняго дня, и сходитъ на землю только тогда, когда скотъ отдыхаетъ, во время полудня, и пережевываетъ пищу.

Верблюды не могутъ перенести суроваго климата сѣверной части киргизской степи (къ сѣверу отъ 50—51 параллели) и киргизы этой части верблюдовъ содержатъ очень мало. Роль выючнаго животнаго въ этой части степи выпадаетъ на долю рогатаго скота, который идетъ и въ упряжку, для перевозки тяжестей.

Въ средней и южной части степи, также какъ и въ горныхъ кочевьяхъ *кыргызовъ*, лошадь беретъ перевѣсъ надъ коровою въ киргизскомъ хозяйствѣ даже менѣе состоятельныхъ кочевниковъ, и притомъ лошадь этой части ближе подходитъ къ типу настоящей киргизской лошади. Она здѣсь суше и на лучшихъ ногахъ, чѣмъ лошадь сѣверной части степи, отличающаяся небольшимъ ростомъ (въ среднемъ—менѣе 1 арш. 15 в.), густою и часто—волнистою гривою и хвостомъ (что даетъ право думать о происхожденіи этой лошади отъ скрещиванія съ русской крестьянской лошадыю), болѣе густою и длинною шерстью, обыкновенно слабою бабкою (она низконога) и плоскими копытами (что свойственно лошадямъ воспитаннымъ на равнинѣ).

Овецъ въ средней и южной части киргизской степи держать больше, чѣмъ въ сѣверной части. Овцы—обыкновенной киргизской породы, съ широкимъ и большимъ сальнымъ хвостовымъ мѣшкомъ (*курдюкомъ*), но здѣсь онѣ ростомъ крупнѣе, чѣмъ въ сѣверной части степи.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, начальство Акмолинской области, въ видахъ улучшенія киргизскаго скотоводства, пробовало вводить въ киргизское хозяйство русскую овцу, съ болѣе тонкошерстнымъ руномъ, чѣмъ руно киргизской овцы; но русская овца оказалась непригодной для киргизскаго хозяйства. Во первыхъ—она меньше киргизской овцы и даетъ меньше мяса. Во вторыхъ—мясо ея киргизы считаютъ менѣе вкуснымъ, чѣмъ мясо киргизской овцы. А главный недостатокъ русской овцы для киргизскаго хозяйства состоитъ въ томъ, что эта овца не даетъ такого количества сала, какъ киргизская, важнѣйшее достоинство и значеніе которой и состоитъ въ огромномъ сальномъ хвостовомъ мѣшкѣ (*курдюкъ*;—по киргизски—*куйрюкъ*, что значитъ—хвостъ),

составляющемъ едвали не самый важный и значительный предметъ вывозной торговли киргизской степи. Особенно хорошій салыный мѣшокъ двухъ-трехлѣтняго киргизскаго барана можетъ дать до пуда сала, а иногда—даже и болѣе. Кромѣ торговаго значенія, бараній салыный хвостовой мѣшокъ доставляетъ киргизской кухнѣ главное количество нѣжнаго и довольно вкуснаго жира, служащаго не только какъ приправа, но употребляемаго въ пищу и просто, въ вареномъ видѣ, какъ особое кушанье, или вмѣстѣ съ вареной бараниной. Топленое сало употребляется для обжариванія *баурсаковъ* (кусочковъ тѣста, подаваемыхъ какъ сдобные сухарики къ чаю) и кусочковъ баранины (*куурдакъ*^{*}), а также для освѣщенія киргизскихъ жилыхъ помѣщеній: для этого растопленное сало наливается въ четырехъ-угольный свѣтильникъ, носящій названіе-*чирагъ*, въ одинъ изъ носковъ коего вставляется тряпочка, или кусокъ ваты, въ видѣ свѣтильни.

Киргизская овца, кромѣ того, менѣе прихотлива, чѣмъ русская, въ отношеніи корма, въ особенности зимою, и отличается большею выносливостью къ рѣзкимъ переменамъ погоды; а слѣдовательно русская овца менѣе выгодна для киргизовъ.

Наконецъ, киргизы съ большимъ предубѣжденіемъ смотрятъ на ни къ чему непригодный хвостъ русской овцы, комично изображая его рукою и сравнивая съ собачьимъ хвостомъ и, руководимые этимъ предубѣжденіемъ, тотчасъ-же уничтожили всѣхъ барановъ-производителей^{**}), пріобрѣтенныхъ ими, по волѣ начальства, сравнительно—довольно дорого^{***}); а затѣмъ, мало по ма-

*) Отъ гл. *кууру*—жарить, обжаривать въ маслѣ. *Куурдакъ*—киргизское жаркое.

**) Для предупрежденія возможности принолада.

***) По слухамъ, каждый баранъ обошелся киргизамъ до десяти рублей, а овца-до семи. Бараны-же и овцы киргизской породы въ степи стоятъ, по крайней мѣрѣ, втрое дешевле.

лѹ, уничтожили и всѣхъ русскихъ овецъ, сваливъ это уничтоженіе на волковъ.

Преимущество русской овцы надъ киргизскою состоитъ только въ болѣе быстромъ размноженіи: киргизская овца приноситъ ежегодно, обыкновенно, только по одному ягненку и рѣдка—по два, тогда какъ русская овца, по большей части, приноситъ по два ягненка. Но и это большое преимущество не можетъ имѣть значенія, въ виду важныхъ отрицательныхъ качествъ русской овцы для киргизскаго хозяйства.

Киргизская овца, съ большимъ запасомъ жира въ хвостовомъ мѣшкѣ, гораздо выносливѣе русской овцы, какъ въ отношеніи способности довольствоваться подножнымъ кормомъ, во время зимы, доставая его изъ подъ снѣга и пополняя недостатокъ питательности этого скуднаго корма запасами своихъ жировыхъ отложений, такъ и въ отношеніи способности переносить зимнія стужи и вьюги безъ всякой защиты не только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, необходимыхъ для перезимовки русскихъ овецъ, но даже безъ забора или навѣса—на степныхъ пастбищахъ, покрытыхъ снѣгомъ.

Во дворы (*кора*) или загородки*) киргизскія овцы загоняются только на ночь.

Жировыя отложенія русской овцы не сосредоточены въ хвостовомъ мѣшкѣ, какъ у киргизской, вслѣдствіе чего русская овца, доставляя хозяину руно, овчину и мясо, не даетъ ему того количества чистаго сала высокаго качества, составляющаго предметъ торговли и вывоза изъ степи.

*) Загородки эти (называемыя тоже *кора*), вышиною въ аршинъ (рѣдко въ полтора аршина) складываются обыкновенно изъ камня на глинѣ или даже и вовсе безъ цемента, самымъ примитивнымъ способомъ, лишь-бы овцы не могли выскочить изъ такой загородки.

Какъ мы уже упомянули, нѣкоторые киргизы южной части степи дѣлають, сравнительно съ количествомъ скота, очень ограниченные и даже ничтожные запасы сѣна для зимняго продовольствія своего скота, а большинство киргизовъ этой части, зимующихъ далеко отъ осѣдло населенныхъ мѣстъ, вовсе не дѣлають запасовъ сѣна, а для зимняго продовольствія своего скота ограничиваются сбереженіемъ пастбищъ вокругъ своихъ зимовокъ.

На эти пастбища скотъ пускается только съ наступленіемъ зимы, тогда, когда въ окрестностяхъ весь кормъ уже потравленъ, а киргизы давно уже поселились на своихъ зимовкахъ.

Люди богатые, у которыхъ скота много, а зимнихъ кормовыхъ мѣстъ, по ихъ расчетамъ, недостаточно, раздѣляютъ конскіе табуны свои на нѣсколько частей и обезпечивають имъ кормленіе на зиму, нанимая зимнія пастбища, изобилующія кормомъ, на земляхъ сосѣднихъ волостей, такъ что конскіе табуны богачей иногда проводятъ зиму за нѣсколько десятковъ и даже за сотни верстъ отъ зимовокъ своихъ владѣльцевъ.

Такимъ раздѣленіемъ табуновъ иногда предотвращають или ограничивають бѣдствія во время *джута**). Если на какой либо мѣстности зимою или ранней весною появится гололедица, то скотъ перегоняють въ другія мѣста, свободныя отъ гололедицы. Въ случаѣ же, если одинъ изъ табуновъ и пострадаетъ отъ гололедицы или отъ продолжительныхъ бурановъ, во время голодовки, есть полное вѣроятіе, пожертвовавъ однимъ изъ табуновъ, или даже частью его, спасти отъ гибели другіе, такъ какъ несчастія отъ безкормицы рѣдко бываютъ одинаково гибельны для всей степи, какъ было въ ужасную зиму 1880

*) Падежъ скота отъ безкормицы. Отъ глагола *джутуу*— глотать, поглощать.

года, когда пострадала вся степь, отъ предѣловъ Западнаго Китая до р. Урала и отъ Иртыша до Сыръ-Дарьи.

Да и страшный *джумъ* 1880 года не вездѣ былъ одинаково губителенъ для киргизскаго скота. Скотъ, зимовавшій на долинахъ, пострадалъ значительно сильнѣе, чѣмъ находившійся въ горныхъ ущельяхъ и въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Въ такихъ мѣстностяхъ хотя снѣгъ и бываетъ глубокой, но пересѣченные горами мѣста даютъ болѣе возможности защитить ослабленный и даже изнуренный зимою скотъ отъ губительнаго дѣйствія рѣзкихъ сѣверныхъ вѣтровъ и бурановъ.

Зимою скотъ легкими ударами копытъ переднихъ ногъ разгребаетъ рыхлый снѣгъ и изъ подъ него достаетъ себѣ, для питанія, сухую ветошь*).

Если снѣгъ неглубокой и рыхлый, такъ что для скота не составляетъ большого труда раскопать его и обнаружить сѣдобную ветошь, то скотъ легко переноситъ зиму и весною скоро поправляется; если же снѣгъ глубоокъ, зима суровая и буранная и, въ особенности, въ случаѣ образованія гололедицы—киргизы съ ужасомъ ожидаютъ *джума*, особенно опаснаго для скота, передъ началомъ весны. *Джумъ*—надежъ обезсиленнаго безкормицею скота—самое большое несчастье, какое только можетъ постигнуть номада—киргиза, все богатство и вся слава коего состоитъ въ скотоводствѣ и зиждется на немъ.

Если лѣтомъ травы были хороши и скотъ къ зимѣ хорошо нагулялся (зажирѣлъ); при этомъ, если осень наступитъ позднѣе обыкновеннаго и снѣгъ прямо падаетъ на сухую, или слегка

*) Ветошь—трава, высохшая на корню, послѣ созрѣванія сѣмянъ.

влажную землю, то киргизъ уже не боится *джута*: онъ ему не страшенъ.

Для полного же благополучія скотовода надо, чтобы зимою не было особенно сильныхъ постоянныхъ холодовъ и сильныхъ бурановъ,*) продолжающихся иногда нѣсколько дней сряду.

Ранняя, дружная весна, безъ рѣзкихъ, не нормальныхъ переѣвъ отъ теплаго времени къ холоду, способствуетъ быстрому появленію травъ и скорому поправленію изнуреннаго зимнею *тебеневкой***) скота. Въ случаѣ же неурожая травъ лѣтомъ, скотъ не успѣетъ къ осени достаточно окрѣпнуть и зажирѣть, для того, чтобы имѣть возможность сравнительно легко переносить зимній недостатокъ и малую питательность пищи, вмѣстѣ съ зимними стужами и непогодами.

Осенняя гололедица, въ неблагоприятные годы, предшествующая наступленію зимы, уже не обѣщаетъ ничего хорошаго для хозяйства киргизовъ. Прежде всего, жеребья кобылицы, хвативъ обледенѣлой травы, заболѣваютъ и производятъ выкидыши.

Бываютъ несчастные годы, когда осенью, довольно рано, выпадаетъ снѣгъ глубиною вершка въ 4 — 5. Затѣмъ пойдетъ дождь и замерзаетъ на снѣгу: образуется ледяная кора (осенній настъ), которая неминуемо влечетъ за собою несчастія для скотовода. Скотъ не можетъ пробить копытомъ такую ледяную кору для того, чтобы достать себѣ изъ подъ нея сухую ветошь—свою зимнюю пищу. Отъ этого скотъ быстро начинаетъ худѣть.

*) *Буранъ*—сильный вѣтеръ, дующій продолжительно. Специально это названіе присвоивается зимнему вѣтру со снѣгомъ, вызывающему всегда тревогу скотоводовъ и путешественниковъ.

**) Это усвоенное Оренбургскими и Уральскими казаками слово, обозначающее способъ пастьбы скота зимою, при чемъ онъ отрываетъ себѣ кормъ изъ подъ снѣга, ударами копытъ, происходитъ отъ киргизскаго глагола *тебуу*—лягать, ударять ногою.

Имѣя большое скотоводство, киргизы никогда не думаютъ о необходимости дѣлать запасы сѣна, достаточные для всего своего скота, по расчету, на все продолженіе зимы.

Въ сѣверной части степи, въ мѣстностяхъ близкихъ къ русскимъ селеніямъ, хотя киргизы и дѣлаютъ относительно большіе запасы сѣна и соломы, но эти запасы могутъ оставаться къ веснѣ только послѣ виолнѣ благополучной зимы, когда отгонные табуны лошадей вовсе не кормятся сѣномъ, а рогатый скотъ и бараны получаютъ немного сѣна или соломы только ночью, когда они находятся въ пригонахъ.

Въ несчастныя же для скотоводовъ зимы всегда оказывается недостаточность этихъ запасовъ и скотъ только короткое время можетъ прокармливаться запасами сѣна и соломы, сдѣланными хозяиномъ—киргизомъ. Когда же запасы эти истощатся, а русскихъ селеній съ большими запасами корма для скота, куда можно бы было угнать скотъ для прокорма и спасенія отъ гибели, по близости нѣтъ, киргизскій скотъ начинаетъ худѣть, а затѣмъ и пропадать.

Бывали въ степи несчастные годы, когда изъ тысячнаго табуна лошадей—гордости богатаго кочевника, оставался какой нибудь десятокъ—другой двухлѣтнихъ жеребятъ (*кунан-чыгарь*)*), которые крѣпче другихъ переносятъ невзгоды и голодовки.

Если гололедица образовалась осенью, или въ началѣ зимы и дождь прошелъ не сплошь, а полосой, такъ что есть мѣстности, свободныя отъ гололедицы, а скотъ еще не успѣлъ очень выху-дуть и обезсилѣть, то еще есть возможность спасти стада и табуны, или хотя часть ихъ, — перегонемъ въ мѣстности, гдѣ нѣтъ

*) *Кунан-чыгарь*—жеребенокъ на исходѣ второго года, которому весною минетъ два года и онъ будетъ уже называться *кунань*. *Чыгарь* отъ глагола *чыгуу* выходить.

гололедицы, хотя бы это было за 200—300 версть от стоянки табуна, или отгономъ къ отдаленнымъ даже русскимъ селеніямъ, гдѣ всегда есть возможность купить сѣна или соломы для прокорма скота.

Когда же гололедица образовалась сплошь, на большомъ пространствѣ степи и въ особенности въ концѣ зимы или въ началѣ весны, послѣ того, какъ снѣгъ уже началъ сильно таять, и вдругъ подуетъ сѣверный вѣтеръ и сразу закуетъ весь мокрый и напитанный водою снѣгъ въ одну массу сплошной ледяной коры, а морозъ съ сѣвернымъ вѣтромъ простоить недѣли двѣ—три: для скотовода нѣтъ никакого спасенія. Изнуренный зимнею тебеневкою скотъ не можетъ противустоять такой гололедицѣ и быстро начинаетъ пропадать.

Въ эти двѣ—три недѣли въ стадахъ не остается часто и половины бывшаго скота.

Лошади, рогатый скотъ и овцы падаютъ отъ изнеможенія и, лишенные силы, даже чтобы подняться и встать на ноги, мрутъ какъ мухи.

Пастухи и хозяева, въ это время, неотлучно находящіеся при табунахъ, стараются, по возможности, поднимать и ставить на ноги обезсилѣвшій скотъ, который, если ляжетъ,—не имѣетъ уже силы встать.

Такое состояніе обезсилѣвшаго скота киргизы называютъ „ку-теремъ“ (кутеруу — поднимать).

Обращеніе киргизовъ къ русскимъ селеніямъ, во время безкормицы, хотя и спасаетъ отчасти табуны и стада, но тоже сильно разоряетъ киргизовъ. Крестьяне и станичники, видя крайнюю нужду киргизовъ, страшно возвышаютъ цѣны на сѣно и солому

и, мѣняя кормъ на обезцѣниваемый вслѣдствіе худобы и безкормицы въ степи скотъ, завладѣваютъ иногда большею частью скота прикочевавшихъ къ селеніямъ киргизовъ.

Прокормленіе въ такую безкормицу до весны табуна лошадей въ русскомъ селеніи, 37 лѣтъ тому назадъ, русскому купцу-ското-промышленнику обошлось по 20 рублей ассигнаціями (около 6 руб. серебромъ) съ головы*). Въ настоящее же время это обойдется, конечно, не менѣе, чѣмъ втрое дороже, при общемъ поднятіи цѣнъ на продукты продовольствія. Гдѣ же киргизу взять, для уплаты за прокормленіе тысячнаго табуна, 18—20 тысячъ рублей?

Бывали случаи во время безкормицы, когда за копну, пудовъ въ 5—6 сѣна, киргизы вынуждены были отдавать коня или вола, стоимвшихъ 20—25 руб.

Иногда въ суровыя зимы, въ особенности въ февралѣ или въ началѣ марта, въ степи бываютъ сильныя морозы съ ужасными снѣжными мятелями, продолжающимися, безъ всякой остановки, нѣскольکو дней, недѣлю, а иногда даже и болѣе двухъ недѣль. Изнуренный недостаточностью питанія и вслѣдствіе большаго расхода животнаго тепла во время зимы скотъ, во время сильнаго бурана, почти ничего не ѣстъ.

Вообще привыкшій, когда пасется, идти противъ вѣтра, скотъ, и во время сильной вьюги, продолжаетъ держаться такого же направленія, такъ какъ холодный вѣтеръ, скользя по шерсти, менѣе охлаждаетъ тѣло животнаго и, слѣдовательно, менѣе для него чувствителенъ.

Если же вѣтеръ очень силенъ и продолжителенъ, то изнуренный и обезсилѣвшій скотъ скучивается, потомъ поворачивается

*) Н. Фридериксъ. Русскій Міръ 1861 года № 96.

задомъ къ вѣтру и, опустивъ головы, чтобы сколько нибудь защитить ихъ отъ рѣзкаго вліянія холоднаго вѣтра, сперва стоитъ, а потомъ начинаетъ двигаться по вѣтру: сначала тихо, а затѣмъ, окончательно оступѣвшій и гонимый бураномъ, которому уже не можетъ сопротивляться, несется по вѣтру всѣмъ табуномъ^{*)}).

Это представляетъ собою одно изъ самыхъ ужасныхъ явленій для киргизовъ.

Всѣ находящіеся по близости пастухи и хозяева скачутъ и стараются обогнать гонимые бурю табуны и стада и заворотить ихъ, по возможности, къ какому нибудь хотя немного защищенному отъ вѣтра и относительно менѣе опасному мѣсту.

Если же старанія степняковъ измѣнить направленіе стихійнаго гона ихъ табуновъ и стадъ окажутся безуспѣшными, то весь гонимый бураномъ скотъ погибаетъ поголовно въ оврагахъ и отъ крайняго истощенія.

Слава Богу, что такія бѣдствія, какое было по всей киргизской степи въ 1880 году, постигаютъ киргизскій народъ не очень часто.

По словамъ стариковъ-киргизовъ, большіе падежи скота бываютъ одинъ разъ лѣтъ въ 20—25. Мѣстные же падежи отъ безкормицы, бурановъ и гололедицы случаются чаще.

Киргизы, при благопріятныхъ годахъ, слѣдующихъ за такими несчастіями, какое постигло киргизскій скотъ по всей степи зимою 1880 года, поправляются обыкновенно довольно скоро. Лѣтъ черезъ пять—шесть народъ уже не такъ часто вспоминаетъ о *джутъ* и впечатлѣніе его значительно ослабло и изгладилось у

^{*)} О такомъ состояніи табуна киргизы говорятъ: „*мыбъ-китты*“, т. е. ушелъ, удался (гонимый вѣтромъ). *Буу*—уступать мѣсто, вслѣдствіе наслія, вытѣсненія.

киргизовъ; а черезъ девять—десять благополучныхъ лѣтъ степь опять бываетъ наполнена почти такими-же табунами и стадами скота, какіе были до *джута*, и только въ памяти потерявшихъ скотъ и не успѣвшихъ еще оправиться чаще возстановляется картина прежняго довольства и остается сильнѣе впечатлѣніе постигшаго ихъ несчастія.

Состоятельные коноводы-киргизы ежегодно продаютъ лошадей пріѣзжающимъ для закупокъ въ степь, преимущественно въ концѣ марта мѣсяца, барышникамъ изъ Оренбурга, Самары и нѣкоторыхъ другихъ ближайшихъ къ степи мѣстностей Европейской Россіи. Есть въ степи и свои скупщики скота: киргизы же, казаки и мѣстные торговцы, русскіе и татары. Они, въ нужное для киргизовъ время, задаютъ подъ скотъ впередъ деньги, покупая скотъ, разумѣется, по крайне низкой цѣнѣ, и весною собираютъ этотъ скотъ и гуртомъ продаютъ пріѣзжимъ барышникамъ или гонятъ набранные гурты сами въ извѣстные рынки — Троицкъ, Оренбургъ, Самару...

Для зимняго продовольствія, киргизы заготавливаютъ съ осени запасы мяса, частью-свѣжаго, а частью-соленого и копченого.

Какъ только установятся постоянные холода поздней осенью, обыкновенно въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, производится забойка предназначеннаго для мясныхъ запасовъ скота *), сообразно съ состояніемъ, а отчасти и географическимъ положеніемъ зимовыхъ стойбищъ. Богатые киргизы сѣверной части степи, имѣющіе большіе рогатаго скота, рѣжутъ для зимняго продовольствія рогатый скотъ, хотя и въ этой части — богатые кочевники заготавливаютъ и лошадиное мясо, потому что, по киргизскому обычаю, въ угощеніе почетнаго гостя непременно долж-

*) Забойка скота по киргизски называется *согумъ*.

но входить *казы*—очень жирная копченая колбаса изъ лошадиного мяса. Для запасовъ конины рѣжутъ обыкновенно нѣсколько за жирѣвшихъ яловыхъ кобылицъ и жеребятъ разнаго возраста. По собраннымъ мною свѣдѣнiямъ, средняя забойка богатаго киргиза въ сѣверной и средней части степи состоитъ изъ 10—20 лошадей (преимущественно для этого избираются старѣющiя яловыя кобылицы, теряющiя способность плодоношенiя и поэтому къ осени болѣе другихъ жирѣющiя), отъ 20 до 40 барановъ, а въ сѣверной части, кромѣ того, отъ 2 до 8 рогатыхъ скотинъ.

Люди средняго и бѣднаго состоянiя лошадей вовсе не рѣжутъ или ограничиваются одной—двумя жирными яловыми кобылами, если такiя окажутся. Барановъ не рѣжутъ тоже, а увеличиваютъ забойку нѣсколькими рогатыми скотинами, доставляющими больше мяса.

Высшимъ деликатесомъ киргизской кухни считается мясо жеребенка. Лошадиное и отчасти баранье мясо, назначенное для зимнихъ запасовъ, обыкновенно солятъ и коптятъ въ видѣ кусковъ, или въ видѣ колбасы. Баранину и мясо встрѣчающейся въ степи сайги (*antilope saiga*) коптятъ только кусками. Колбасы (*казы*) готовятъ изъ лошадиного мяса и изрѣдка (только охотники—*мергени*) дѣлаютъ *казы* изъ мяса жирныхъ кулановъ, попадающихся въ долинѣ рѣки Чу и въ пустынѣ Бедпакъ-Дала. Для приготовления колбасы берутъ неполныя ребра жирныхъ животныхъ, раздѣляютъ эти ребра по одному, съ принадлежащею къ каждому ребру частью брюшного жира и, предварительно посоливъ, вкладываютъ въ вымытыя кишки, которыя крѣпко завязываютъ съ обоихъ концовъ. Колбасы изъ лошадиного мяса и жира безъ реберъ называются по киргизски *чужукъ*.

Коптятъ мясо и *казы* въ жилыхъ юртахъ, привѣсивая къ

чанграку (къ крестовинамъ верхняго обода юрты и къ самому ободу)

При этомъ, такъ какъ копченіе производится въ началѣ зимы, когда въ юртахъ поддерживается почти постоянный огонь, въ теченіе цѣлаго дня, и верхняя часть юрты, при открытомъ только уголкѣ *чанграка*, бываетъ всегда наполнена дымомъ, мясо прокапчивается довольно скоро. Хорошо просоленная и прокопченная *казы* можетъ держаться безъ порчи до середины лѣта и даже до слѣдующей осени, хотя мясо такой *казы* дѣлается очень твердымъ и можетъ быть разжевано только киргизскими да развѣ волчьими зубами.

Если поблизости мѣста копченія мяса есть можжевельникъ (по киргизски *арча*) то, во время копченія мяса и *казы*, стараются больше жечь можжевельные дрова и сучья, потому что мясо, копченое дымомъ отъ можжевеловыхъ дровъ, получаетъ особый пріятный вкусъ.

Копченное лошадиное мясо и *казы* вкусомъ отчасти напоминаетъ ветчину и если *казы* сдѣлана изъ мяса молодого животного, то она нѣжна и сочна. *Казы* же изъ мяса старой лошади бываетъ твердо и сухо, не смотря на большое количество окружающаго его жира. Жиръ лошадиного мяса походить на жиръ рогатаго скота, только окрашенъ въ болѣе густой оранжево-желтый цвѣтъ и имѣетъ особый вкусъ.

Мясо верблюдовъ употребляется киргизами въ пищу гораздо рѣже и преимущественно случайно, потому что верблюдовъ киргизы рѣжутъ только въ случаѣ болѣзни или поврежденій, дѣлающихъ этихъ цѣнныхъ въ киргизскомъ быту животныхъ негодными для спеціального ихъ назначенія—перевозки тяжестей. Особенно вкуснымъ киргизы считаютъ нѣжный жиръ, скопляющійся

въ горбахъ сытыхъ верблюдовъ. Здоровыхъ верблюдовъ рѣжутъ только очень богатые киргизы въ магометанскій праздникъ жертвоприношеній (*курбанъ-майранъ*) или для угощенія на поминкахъ богатаго человѣка.

Верблюды водятся преимущественно у киргизовъ средней и, еще больше, — южной части Степного края, по берегамъ озера Балхаша и въ долину р. Чу. Въ сѣверной части степи верблюды плохо выносятъ суровыя зимы, не имѣютъ возможности продовольствоваться зимою подножнымъ кормомъ и рѣдко здѣсь плодятся. Богатые киргизы этой части держатъ верблюдовъ какъ предметъ роскоши, — признакъ своего благосостоянія: такъ какъ въ этой части перевозка тяжестей и перекочевка главной массы киргизовъ производится на двухъ — колесныхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами.

Такихъ стадъ верблюдовъ, какіе встрѣчаются табуны лошадей въ средней части степи (въ 1000 и болѣе головъ), у киргизовъ Степного края не встрѣчается; но обладаніе стадомъ въ 50—100 верблюдовъ, въ южныхъ волостяхъ, не составляетъ рѣдкости. Есть богатые киргизы-казаки, владѣющіе стадами отъ двухъ до трехсотъ верблюдовъ разнаго возраста, т. е. до сотни головъ способныхъ нести на себѣ व्यюкъ, за исключеніемъ самокъ, хотя и самки (*ынгенъ*) годны для работы и въ первой половинѣ стельности ходятъ подъ व्यюкомъ, а трехлѣтній верблюдъ уже считается способнымъ переносить половинный व्यюкъ (пудовъ 5—6), при киргизскихъ перекочевкахъ.

Самка верблюдъ рождаетъ верблюжатъ одинъ разъ въ два года, всегда по одному. Такъ что въ стадѣ въ триста головъ слѣдуетъ считать 75—80 холощеныхъ (кастрированныхъ) व्यючныхъ верблюдовъ (*атанъ тюе*), не моложе четырехъ лѣтъ, служащихъ

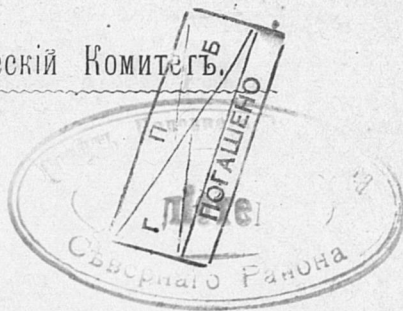
для перевозки тяжестей полнымъ व्यюкомъ (отъ 10 до 15 пудовъ для водящагося въ Степномъ краѣ двугорбаго верблюда); штукъ 80—85 племенныхъ самокъ (*ынгенъ*); до 30 штукъ трехлѣтковъ (самцы-*буура*, холощенные-*атанъ*, самки-*ынгенъ*; только, передъ обозначеніемъ пола животнаго, опредѣляются его лѣта: трехлѣтковъ называютъ-*дуненъ*, самокъ-*дунешинъ*); до 30 двухлѣтковъ (*кунанъ*, самки-*кунажинъ*); до 35 по второму году (*тайлякъ*), до 40 сосунковъ (*бута*) и штукъ пять-верблюдовъ самцовъ, производителей (*буура*).

Верблюды содержатся и разводятся въ Степномъ краѣ, какъ мы уже упомянули, исключительно двугорбые. Одногорбые верблюды-*наръ*, требующіе еще болѣе теплаго климата, чѣмъ тотъ, которымъ обладаетъ южная часть Степного края, составляютъ здѣсь рѣдкость. Относительно чаще встрѣчается помѣсь обоихъ видовъ (она называется *лекъ*), дающая плодородное потомство и болѣе выносливая, чѣмъ чистокровные одногорбые верблюды, болѣе обыкновенные въ долину рѣки Сыръ-Дарьи и многочисленные въ при Аму-Дарьинскихъ степяхъ.

Вл. фонъ-Гернъ.

Семипалатинскій Областной Статистическій Комитетъ.

с 595 сел.
П-15а.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

Арх 126525

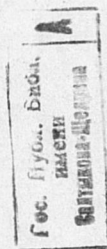
СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

НА 1902 ГОДЪ.

483/16

ВЫПУСКЪ VI.

457

не верх. одл.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.

Типогр. Семип. Обл. Правленія.

1901.

ср. 97320

Киргизскія пословицы*).

24) Кайтыб—кыреръ исыгынде катты сэрыппя!

т. е. дверь, въ которую (тебѣ придется) возвращаться, сильно не прихлопывай!

Смысль этой пословицы совершенно понятенъ и близко подходитъ, по своему значенію, къ русской пословицѣ: «не плюй въ колодезь, — пригодится — воды напиться».

*25) Жаксы—мэнъ (миненъ) жүрсенъ —Жытерсынъ муратка. Жаманъ—мэнъ (миненъ) жүрсенъ —Каларсынъ юятка.**)*

т. е. (Если) будешь ходить (постоянно находиться въ обществѣ)
съ хорошимъ (человѣкомъ)—
Достигнешь желаемого (цѣли).

*) Начало см. въ Семипалат. Обл. Вѣд. за 1898 г. и Памятной Книжкѣ Семипал. обл. на 1898 г.

**) Буква ю—здѣсь должна произноситься, какъ французское u.

(Если) будешь ходить (постоянно находиться въ обществѣ) съ дурнымъ (человѣкомъ),—
Останешься въ стыдѣ.

Степнякъ, по характеру своему, всегда болѣе или менѣе подозрительный, довольно разборчиво относится къ избранію друга и постоянного спутника въ обычныхъ разъѣздахъ и удовольствіяхъ. Защищая всюду своего родовича, въ силу обычая, порядочный киргизъ, тѣмъ не менѣе, будетъ сближаться только съ тѣмъ, кто дурными поступками не вызываетъ себѣ порицанія родовичей.

Приведенная пословица указываетъ разницу, при выборѣ товарища и друга, и утверждаетъ, что только въ обществѣ хорошаго (достойнаго уваженія) человѣка можно достигнуть хорошей цѣли въ жизни: почета и довѣрія въ народѣ, избранія въ должность по народному управленію и т. п. Сообщество же дурного человѣка можетъ принести только стыдъ, подозрѣніе въ участіи въ дурныхъ поступкахъ товарища и дурное мнѣніе среди родовичей.

**26) *Баланы жасъ—танъ уйретъ*
*Хатын—ды басъ—танъ уйретъ.***

т. е. Дитя учи съ молодцу.

Жену—учи (пріучай) сначала.

Смыслъ этой поговорки совершенно ясенъ: она совѣтуетъ воспитывать и учить дитя съ малыхъ лѣтъ и пріучать жену къ своимъ жизненнымъ требованіямъ—сначала супружеской жизни, для того чтобы была польза отъ этого воспитанія и ученія; такъ какъ, по убѣжденію степняковъ—киргизовъ, дитя, на воспитаніе котораго, съ малыхъ лѣтъ, его родители не обращаютъ вниманія, съ возрастомъ, вставъ на ноги, не будетъ въ состояніи, а можетъ быть, и не захочетъ воспринять и усвоить себѣ ученіе о порядкахъ и правилахъ жизни.

Жена же, къ которой, съ первыхъ дней супружества, мужъ не захочетъ отнестись требовательно, въ отношеніи ея обычныхъ жизненныхъ заботъ и трудовъ, потомъ, какъ только обживется въ юртѣ мужа, не будетъ уже обращать должнаго вниманія на его желанія и требованія и въ семьѣ не будетъ порядка, установленнаго обычаями.

27) Расъ айтыбъ—зьянъ чэкъ:

Ахырында—найда табарсынъ.

Утругъ айтыбъ—найда танъ:

Ахырында зьянъ чегерсынъ.

Пер. Сказавъ правду—понеси убытокъ

Въ концѣ—получишь пользу.

Сказавъ ложь—получи пользу

--Въ концѣ понесешь—убытокъ.

Это двѣ однозначія пословицы, исходяція одна изъ другой и приводимыя всегда вмѣстѣ. Онѣ обѣ говорятъ о непрочности пользы, полученной отъ обмана или лжесвидѣтельства, такъ часто и обычно практикуемаго въ степи и зависящаго отъ полного непониманія киргизами святости присяги и совершеннаго вѣдѣнія строгости наказаній за лжесвидѣтельство. Киргизскій народный судъ, за лжесвидѣтельство, вовсе не опредѣляетъ наказанія, признавая, въ большинствѣ случаевъ, завѣдомо ложное присяжное показаніе (въ пользу родственника и родовича, противъ посторонняго, или вообще, въ пользу киргизовъ, противъ русскаго) не только извинительнымъ, но даже обязательнымъ. Русскій же судъ и администрація, сравнительно очень рѣдко, преслѣдуютъ киргизовъ за лжесвидѣтельство, приписывая ложь киргизовъ въ показаніяхъ—ихъ недостаточному развитію и непониманію законовъ.

28) Адэнтэ адэпсызданъ уйренъ

т. е. Учтивости учись отъ неучтиваго.

Эта пословица указываетъ, что примѣръ—лучшій учитель и наставникъ въ жизни, и притомъ совѣтуетъ учиться не по хорошимъ жизненнымъ примѣрамъ, а по дурнымъ, считая ихъ болѣе вразумительными.

Адэпъ (арабское слово, означаетъ *въжливость, скромность, учтивость*) въ смыслѣ этой пословицы, означаетъ не только учтивость и въжливость, но также—порядочность, вообще порядокъ въ хозяйствѣ и даже практичность въ жизни, хотя послѣднія два понятія и не составляютъ перевода слова *адэпъ* (адэбъ).

29) Олуиъ уссия—ульгулю—мэнъ*)

*Кызыиъ уссия—кылыкты**)—мэнъ
жулдасъ булъ.*

Пер. Если будетъ возрастать твой сынъ—будь товарищемъ (имѣй общеніе) съ примѣрнымъ (человѣкомъ).

Если будетъ возрастать твоя дочь,—будь товарищемъ (имѣй общеніе, води дружбу) съ нравственнымъ.

Т. е. «когда у тебя дѣти на возрастъ и уже начали обращать вниманіе на дѣйствія старшихъ и легко перенимаютъ ихъ поступки, то ты долженъ съ разборомъ относиться къ своему знакомству и дружбѣ съ людьми, ставя на первый планъ пользу отъ хорошихъ знакомыхъ, для воспитанія дѣтей».

*) Мэнъ—сокращенное менэнь—*амьсть*, съ. Соответствуетъ татарскому и сартовскому—*бирлииъ* или *бияиъ*.

**) Кылыкты—добронравный (перен.) нравственный.

При этомъ, если возрастающія дѣти мужскаго пола, слѣдуетъ знакомиться и водить дружбу съ людьми примѣрной жизни, извѣстными своимъ умомъ и практичностью, слова и дѣйствія коихъ могутъ служить примѣромъ для будущей жизни дѣтей и помогутъ имъ избѣжать жизненныхъ ошибокъ, могущихъ быть причиною разныхъ злоключеній.

Если же возрастающія дѣти женскаго пола, то родители ихъ должны избирать, для своего знакомства, лицъ, извѣстныхъ хорошими нравственными качествами и вѣжливостью обхожденія, примѣры коихъ только и могутъ принести пользу и служить для воспитанія хорошихъ и нравственныхъ женщинъ и трудолюбивыхъ хозяекъ.

30) Инкейген*) — га инкей:

— *Атан—нанъ калганъ кулъ имэсъ.*

*Шалкайган**)* — га шалкай:

Пайгамбэрнынъ олы имэсъ.

Пер. Кланяющемуся — кланяйся:

— (потому что это) не рабъ, оставшійся (тебѣ въ наслѣдство) отъ твоего отца.

Передъ гордящимся — гордись

(потому что это) не сынъ пророка.

Инкейгенъ, въ смыслѣ этой пословицы, принимаетъ значеніе не только — *кланяющійся*, но скорѣе — вѣжливый, услужливый, угодливый. Тогда переводъ первой части пословицы долженъ быть выраженъ такъ: *будь вѣжливъ и услужливъ въ отношеніи того,*

*) *Инкейбакъ* — наклонять голову впередъ, — кланяться.

**) *Шалкайбикъ* закидывать голову назадъ, лицомъ кверху, — перен. см. — гордиться, поднимать носъ.

кто угождаетъ и услуживаетъ тебѣ, потому что это вѣдь не рабъ, доставшійся тебѣ по наслѣдству отъ отца. Сравненіе вѣжливости свободнаго человѣка съ угодливостью раба здѣсь приведено конечно для того, чтобы рельефнѣе выставить различіе ихъ значенія и того, что рабъ не имѣетъ права и ожидать за свою услугу, отъ хозяина, такой же вѣжливости, угодливости и предупредительности, какими онъ снискиваетъ его благоволеніе.

Во второй части—пословица совѣтуетъ, въ отношеніи гордаго и заносчиваго человѣка, задирающаго носъ къ верху, — быть такимъ же гордымъ, оправдывая это тѣмъ, что гордецъ вѣдь — *не сынъ пророка*, въ отношеніи котораго, какъ высшаго существа, правовѣрный считаетъ себя обязаннымъ быть вѣжливымъ и угодливымъ, не ожидая отъ него почтительности.

31) *Сигызъ кырлы, — быръ сырлы бул-сынъ.*

Пер. Будь восьмиграннымъ (восьмикрайнымъ, но) съ одною откровенностью.

Кыръ—грань, край, собственно, въ этой пословицѣ должно быть переведено словомъ: *увертка, изворотливость*. Пословица допускаетъ, что человѣкъ, въ случаѣ необходимости, можетъ прибѣгнуть къ большому числу увертокъ (большой изворотливости), для того, чтобы не повредить себѣ откровенностью. Если же есть другъ или пріятель, достойный полного довѣрія, то ему слѣдуетъ сразу высказать откровенно всю правду, не скрывая ничего и никакихъ обстоятельствъ, для того, чтобы не вводить въ заблужденіе человѣка, которому откровенностью оказано полное довѣріе, и дать ему возможность, въ случаѣ нужды, дать совѣтъ, соотвѣтствующій дѣйствительнымъ обстоятельствамъ.

**32) Сурабъ—бэргенча
—урубъ—бэръ!**

Пер. Въмѣсто подачи со спросомъ

—сразу давай!

Уруб—бэръ—буквально—ударь-дай, т. е. дай сразу, безъ всякаго колебанія.

По указанію этой пословицы, предлагая что либо гостю, не слѣдуетъ спрашивать напередъ—желаетъ ли онъ принять угощеніе или подарокъ (это считается неприличнымъ, не отвѣчающимъ обычаю), а должно подавать угощеніе или предлагать подарокъ (*тарту, сый*) прямо, какъ можно быстрѣе. Спрашивать же до предложенія и вызывать этимъ требованіе гостя—считается у киргизовъ признакомъ скупости, незнаніемъ или неуваженіемъ правилъ обычнаго гостепримства.

**33) Кымнынъ жирынъ жирлесенъ,
Сунынъ—суунъ суула.**

Пер. На чьей землѣ поселишься,

Того и воду пей.

Т. е. необходимо соблюдать порядки той страны, въ которой поселишься, и обычаи того народа, среди котораго приходится жить.

**34) Заманы калай булса,
Бюркынъ—сулай кій.**

т. е. Каково будетъ время,

такъ и шапку надѣвай!

Заманы—въ смыслѣ этой пословицы ближе кажется перевести словами: *обстоятельства, порядки*, такъ какъ эта пословица со-

вѣтуеть примѣняться къ обстоятельствамъ и къ окружающей средѣ и, соображаясь съ этимъ, вести себя: „*надѣвать шапку*“.

Она употребляется въ назиданіе людямъ, которые хотѣли бы жить и дѣйствовать самостоятельно, не руководствуясь указаніями общества и законовъ той страны, въ которой они находятся и проживаютъ.

35) *Заманынг—тюлькэ бульса, Тазы булубъ, чалыбъ-калъ.*

Пер. Если времена твои будутъ лисьи,
Сдѣлавшись борзою (собакою)—хватай (схватывай).

Значеніе этой пословицы служить какъ бы разъясненіемъ предыдущей, но въ ней звучитъ, такъ называемая, одиннадцатая заповѣдь: „*не знай*“.

Т. е. Если управленіе будетъ не твердое, нерѣшительное, а все будетъ обставлено разными хитростями и увертками, то слѣдуетъ воспользоваться такимъ положеніемъ вещей и, при помощи рѣшительности, настойчивости и быстроты дѣйствій, все возможное обратить въ свою пользу.

36) *Таундагы тюлькены Табындагы тазы аларъ.*

Пер. (И) Горную лисицу
Кровная борзая возьметъ.

Т. е. Какъ бы ни была хитра лисица, выросшая въ горахъ, привыкшая къ горной жизни и хорошо знающая всѣ удобныя мѣста для укрытія,—кровная борзая, ловкая и знакомая съ лисьиими увертками, непременно поймаетъ ее.

Эта поговорка употребляется въ смыслѣ правоученія конокра-

дамъ, скрывающимся въ горахъ и имѣющимъ тамъ свои притоны и удобныя мѣста для скрѣтїя украденнаго скота, и предупреждаетъ, что какъ бы ловкіе конограды ни скрывались, они непремѣнно будутъ пойманы и все ихъ укромныя мѣста будутъ открыты.

**37) *Ата кургенъ—окъ жонаде,
Чинше кургенъ—тонъ пшеде.***

Пер. Видѣвшій отца—строгаетъ стрѣлы.

Видѣвшій мать—кроитъ одежду.

То есть—сынъ, воспитанный хорошимъ отцемъ, будетъ хорошимъ, дѣльнымъ и храбрымъ человекомъ и даже сумѣетъ приготовить себѣ оружіе для самозащиты; а дочь, воспитанная хорошею матерью, бываетъ хорошею женщиною, домовитою хозяйкою и конечно умѣетъ исполнять все домашнія работы, свойственныя киргизскимъ женщинамъ: между прочимъ, умѣетъ и кроить одежду, что считается замысловатѣе другихъ женскихъ работъ киргизскаго обихода, такъ какъ требуетъ сообразительности и даже нѣкотораго расчета.

38) *Алма алмагаитэнъ алмсъ тюспэйде.*

Эта пословица подстрочно переводится русскою пословицею: „яблоко отъ яблони не далеко падаетъ“ и конечно имѣетъ съ нею одинаковое значеніе.

Какъ ни тождественны эти двѣ пословицы, но едвали правильно было бы допустить, что киргизская пословица—есть только усвоенный киргизами переводъ русской пословицы, потому что тамъ, гдѣ мнѣ привелось слышать отъ киргизовъ эту пословицу, въ Семирѣченской области, въ мѣстахъ жительства и кочевокъ киргизовъ Большой орды, въ особенности въ горахъ къ югу отъ

р. Или, и до сихъ, поръ еще много дикихъ яблонь и яблоновыя рощи, въ относительно довольно недавнее время, покрывали берега притоковъ р. Или. Поэтому можно допустить, что приведенная пословица самостоятельно выведена киргизами изъ наблюдений окружающей ихъ обстановки.

**39) Утка косеу тыхсэнз
Кумырз туадз.**

Пер. (Если) въ огонь воткнуть палочку
—родится уголь.

Утз—огонь, въ этой пословицѣ, изображаетъ дурного, злого человѣка, которому, сколько бы ни дѣлали добра,—свойственно только злое. Онъ способенъ принести вредъ (боль обжога) за сдѣланное ему добро, которое дастъ ему только большую силу дѣлать зло людямъ, какъ горючій матеріалъ увеличиваетъ силу огня.

Вл. фонъ-Гернъ.

